

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

№ 7 - 1927



ИЗД-ВО
«П.П.СОЙКИН»
ЛЕНИНГРАД

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПОВЕСТЕЙ И РАССКАЗОВ

ВЫХОДИТ
ЕЖЕМЕСЯЧНО

ПОДПИСНАЯ
ЦЕНА НА ГОД 5 РУБ.
С ДОСТ. И ПЕРЕС.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И РЕДАКЦИЯ - ЛЕНИНГРАД. СТРЕМЯННАЯ 8
ИЗДАТЕЛЬСТВО «П. П. СОЙКИН»

СОДЕРЖАНИЕ

№ 7 — 1927 г.

	СТР.		СТР.
«НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!» Задачи № 47, 48, 49 и 50 2-я стр. обложки.		«ГОЛЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА», — рассказ П. Максимова, иллюстр. Н. Кочергина..	54
СООБЩЕНИЕ О ЛИТЕРАТУР- НОМ КОНКУРСЕ - «МИРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ»		«ИЗ УСТ В УСТА», — рассказ Г. Морриса, иллюстрации Б. Стивенса.....	58
..... 3-я стр. обложки.		«ЧЕЛОВЕК, ПОБЫВАВШИЙ НА МАРСЕ», — рассказ Арель- ского, иллюстр. М. Мизер- нюка.....	64
«ТАЙНА ИСКОПАЕМОГО ЧЕ- РЕПА», — научно-фантастиче- ский рассказ С. А. Семенова, иллюстрации С. М. Моча- лова	2	«КАК Я ОМОЛОДИЛСЯ В 70 ЛЕТ», — юмореска Сте- фана Ликоса, иллюстрации О. Гаммонда	70
«ВО МРАКЕ НОЧИ», — рассказ Я. Канторовича, иллю- страции С. Э. Лузанова..	16	«ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ». — «Откровения науки и чуда техники».	
«ЖЕСТКИЙ 1000», — рассказ из железнодорожной жизни Марка Троекурова, ил- люстр. В. Н. Селиванова.	20	«РАДИО И ЖИЗНЬ», — очерк инж. В. Д. Никольского, с иллюстрациями.....	72
«ПЕРУАНСКИЕ НОВЕЛЛЫ», — Гарсии Кальдерона, пер. с испанского М. Дими- треева:		«Стомахион», с иллюстр. . .	76
«ЛУННАЯ БОГИНЯ».....	28	Человек будущего, с ил- люстр.	77
«ШАГИ МЕРТВЫХ».....	31	Новый способ передви- жения судов, с иллюстр. .	77
«МЕКСИКАНСКИЙ РОБИН- ГУД», — рассказ Тома Джи- ля, пер. Н. Мохначева, иллюстр. Л. Ф. Вильфорда.	34	Самое прожорливое жи- вотное в мире, с иллюстр.	78
«НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!» Задачи №№ 51, 52 и 53 . . .	46	Автоматический теле- фон, с иллюстр.	79
«УХОДЯЩИЕ ТЕНИ», — рассказ Ады Карвер, пер. К. За- лесского, иллюстр. Н. М. Кочергина.	47	«НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!» Решения задач №№ 47, 48, 50, 51, 52 и 53	80

Обложка работы художника Н. М. Кочергина.

ТАЙНА

ИСКО



Научно-фантастический рассказ С. А. СЕМЕНОВА

Иллюстрации С. М. МОЧАЛОВА

I

ПРОСТОРНЫЙ, тепло натопленный кабинет профессора Венедиктова. Предметы застыли в объятиях изумрудного тумана, изливающегося от большой электрической лампы в глухом зеленом колпаке.

Еще молодой ученый — антрополог сидел в глубоком кожаном кресле у стола. Он тоже застыл, с головой, откинутой назад. Глаза были закрыты. Руки лежали на мягких подушках кресла. Изредка открывая глаза, но не меняя позы, поворачивал он их в сторону какого-то блестящего предмета на столе, под стеклянным колпаком. Высоко приподнятые брови и складки на лбу говорили, что он напряженно и мучительно думал.

Пять месяцев настойчиво бился молодой исследователь над объяснением этого таинственного предмета, пред-

ставляющего собою не что иное, как отполированный череп ископаемого человека. Бессонные ночи, напряженно-деятельные дни — все было отдано в жертву этому загадочному носителю давно потухшего разума.

Череп найден лишь полгода назад на Урале. Но за это короткое время он успел произвести необычайную сенсацию в научном мире. Жрецы не только таких близких к антропологии наук, как биология, зоология, палеонтология, но и историки культуры, психологи и даже философы Европы и Америки были глубоко взволнованы изумительной находкой русского ученого.

Надо сказать — волнение было вполне основательно. Как внешние признаки самого черепа, так и условия, при которых он был найден, оказались совершенно неожиданными. Они разрушали целый ряд прочно сложившихся

ПАЛЕОМОГО ЧЕРЕПА



взглядов о происхождении и древности человека. Палеантропология готовилась рухнуть до самого основания.

Строение черепа носило исключительный характер. Не первобытный, не современный человек не обладали такими формами. Это не было даже нечто среднее между ними. Но все же череп был несомненно человеческий. Он носил на себе печать высоко развитого разума. Некоторые ученые готовы были признать в нем представителя некой, давно исчезнувшей, сверхчеловеческой расы.

Высота черепной крышки, емкость мозговой полости, тонкие линии подбородка и всей нижней челюсти, величина и форма глазниц, прекрасные,

цвета слоновой кости зубы свидетельствовали о необычайной природе этого ископаемого человека.

Наиболее поразительным фактом было не столько внешнее строение, сколько внутреннее содержимое. При вскрытии, в полости черепа обнаружили окаменевший мозг. Случайные геологические условия сохранили его от разложения. Частотой извилин и глубиной борозд он далеко превосходил мозг современного человека. На ряду с этим изумляли феноменальным развитием лобные доли мозга—центры мыслительной деятельности. Судя по всем признакам, древний обладатель мозга был вооружен непостижимой силой ума. Это было какое-то сверхгениальное существо, до сих пор неизвестное на земле.

Череп был найден, к величайшей неожиданности ученых, в слоях Юрского периода, в геологических отложениях конца первой половины Мезозойской эры.

Наука встала втупик. Ей был нанесен сокрушительный удар. Кто мог думать об этом?.. Высоко-разумный человек—в эпоху гигантских пресмыкающихся!.. Цвет мира млекопитающих—в царстве примитивных чудовищных созданий!.. Что после этого думать о теории эволюции, о дарвинизме? Разве можно верить утверждениям, что человек произошел от обезьяноподобного существа, раз он жил еще в то время, когда не было даже простейших млекопитающих.

Вот целый ряд вопросов, которыми закидали несчастных эволюционистов. Устои естествознания заколебались.

Понятно, что анти-дарвинисты не замедлили воспользоваться растерянностью противников. Для них находка была на руку. Она служила неопровержимым доказательством неживотного происхождения человека.

Какая-то американская антропологическая школа, с теологическим уклоном, выпустила целое воззвание по поводу непреложности священного писания о творении человека. Вслед за этим в некоторых штатах дарвина теория была изгнана из преподавания. Учителям естествознания вменили в обязанность при объясне-

нии природы человека ссылаться только на текст Библии.

В Англии, некий ученый — аббат даже высказал мысль, что по всем признакам череп должен принадлежать не кому иному, как самому праотцу человеческого рода, старику Адаму.

Но, как и всегда бывает, шумиха скоро улеглась. Верные адепты эволюционного учения сначала злощастную находку подвергли сомнению, а затем и категорически отказались верить в ее существование. Противоположный лагерь тоже успокоился. Он окончательно удовлетворился одержанной победой. В научном мире все снова потекло по прежнему руслу. Только немногие не отделились общему настроению. Они замкнулись в кабинетах и целиком погрузились в работу.

Профессор Венедиктов только что возвратился из Академии Наук. Он там сделал доклад и теперь размышлял над результатами диспута.

Ему, тоже воспитавшему свой ум на теории постепенного развития органической жизни, трудно было допустить, что многие сотни миллионов лет назад могло жить существо, превосходившее человека. Ведь никаких следов за все время существования науки не было найдено. Человек, по всем ископаемым данным, появился поздно. Временем его зарождения считают только начало четвертичного периода, которому не более миллиона лет. При чем первичного человека нельзя назвать разумным. В начале четвертичного периода мы имеем только *Homo primigenius*'a, стоящего почти на одной ступени с высшими обезьянами.

Однако, какой бы нелепой ни казалась мысль о человеке Юрского периода, — факт был налицо, а перед фактом должна была склониться теория. К такому выводу постепенно приходил профессор Венедиктов.

— Но, тем не менее, все же чрезвычайно странно! — рассуждал он. — Если действительно, существовал такой глубоко разумный человек, то почему ничего не было найдено вместе с ним?.. Ведь, судя по психо-физиологическим способностям, он должен был обладать величайшей культурой.

Невозможно допустить, что от техники ничего не могло уцелеть. Точно так же было бы очень наивно думать, что его высокое умственное развитие происходило без всякой техники...

— Впрочем, — и сомнение стало овладевать ученым, — может быть, носитель черепа вовсе не обладал тем развитием, какое показывают психометрические измерения?.. Может быть, это было обыкновенное животное, случайно напоминающее человека?..

Волнуемый этим вопросом, профессор Венедиктов поднялся с кресла и с любопытством подошел к стеклянному колпаку.

Череп неподвижно стоял заключенный в прозрачный сосуд. Глубокие, темные глазницы смотрели куда-то вдаль. На красивой лобной кости, на тонком подбородке играли зеленоватые отблески лампы. В его мертвом взоре зияла грустная пытливость, словно в той дали, куда он смотрел, была только одна пустота. Даже подобие широкой улыбки от обнаженных челюстей и зубов не уменьшало этой грусти. Здесь было нечто от взгляда «Мефистофеля» Антокольского и «Демона» Врубеля, вместе взятых. Казалось, такой пространственный взгляд никогда и ни на чем не останавливался: были ли перед ним предметы или их не было совсем.

Профессор Венедиктов глубоко задумался. Потом достал из шкафа два черепа: гиббона и современного человека, поставил рядом с ископаемым и стал всматриваться, сравнивая между собой.

В черепе гиббона не было никакого выражения. Это была совершенно тупая и бессмысленная гримаса животного. На мертвом костяке лежала печать одного дикого инстинкта. Целая пропасть разделяла обезьяний череп от черепа современного человека. У последнего уже была видна мысль. Общий блик светился разумом. В нем глядел человек в полном смысле этого слова, отражалась близкая и понятная нам жизнь.

Но, насколько была велика разница между черепом гиббона и человека, почти настолько же череп последнего

отличался от ископаемого. В застывших чертах обыкновенного человека сквозило беспомощное, теряющееся в бесконечных загадках мира, выражение. Широко раскрытые глазные впадины бессильно стремились объять необъятное, разгадать неведомое окружающее. Удивленно и жадно глядели они.

В выражении человека ископаемого не было никаких желаний. Оно излучало сияние нечеловеческого спокойствия и величия. Какая-то внутренняя невысказанная сила запечатлелась на нем. От того ли, что для него не было тайн, или потому, что не было дано приложения этой силе, спокойствие оттенялось дымкой печали.

Изумленный сравнениями, профессор Венедиктов снова опустился в

Россию с целью изучения мозга ископаемого человека.

Для Венедиктова этот приезд не являлся ничем особенным. В течение пяти месяцев русского ученого непрерывно навещали представители самых разнообразных наук Европы и Америки. Глубоко заинтересованные, но в то же время бессильные помочь профессору Венедиктову, они уезжали обратно, недоумевающе пожимая плечами. Наученный грустным опытом, он и от сегодняшнего визита не надеялся получить что-либо существенное.

II

ЧЕРЕЗ четверть часа маленький, нервный в движениях человечек, в темных выпуклых очках, сидел в кабинете.



Гиббон.

Современный человек.

Ископаемый человек
рассказа.

кресло. Ему не раз приходилось сравнивать эти три черепа, но то были чисто анатомические, количественные измерения. Теперь он впервые взглянул на них с другой стороны. Не оставалось никаких сомнений, что череп принадлежал какому-то высшему существу.

Продолжая раздумывать над сопоставлением, ученый глубоко ушел в цепь догадок и соображений. Кабинет попрежнему спал зеленым сном. Неясными линиями предметы прорезались через полусвет.

Только когда часы глухо пробили девять, профессор Венедиктов встрепенулся и пришел в себя. Он вспомнил, что в этот час ожидал посещения известного немецкого психо-физика Людвига Вейса, прибывшего в

Между учеными шел приподнятый волнением разговор.

— Я охотно соглашаюсь,—говорил профессор Венедиктов,—с теорией о зрительных отпечатках на мозговых клетках, но никакого практического приложения этой идеи не мыслю. Даже, если эти следы носят физический характер и подобны микроскопическим фотографиям, то все же извлечь их на божий свет, чтобы установить все виденное человеком, мне кажется пока еще неосуществимой мечтой.

— Да! — тихо, но убежденно произнес психо-физик,—зрительные отпечатки на мозговых частицах носят физический характер. Уже одно анатомическое строение глаза говорит за это. Его поразительное сходство с

фотографическим аппаратом устраняет всякое сомнение. Что же касается воспроизведения и увеличения снимков, заключенных в клетках мозга...

— Простите, Herr Вейс!—с увлечением перебил молодой антрополог,—но одного внешнего сходства еще недостаточно, чтобы делать окончательный вывод. Как объяснить, в таком случае, тот факт, что многие виденные мельком картины и предметы внешнего мира не вспоминаются совершенно? А ведь они, несомненно, попадают в поле зрения. Мы помним только сильно поразившие нас объекты. Все мало нас интересующее исчезает без следа.

— Уважаемый коллега!—улыбаясь глазами, мягко возразил немец.—Все!.. все без исключения, попавшее в поле зрения, остается в мозгу. Психоаналитические работы школы Фрейда в области сновидений и опыты гипнотизеров над сомнамбулами показали это с неопровержимой достоверностью.

Профессор Венедиктов молча вынул из-под стеклянного колпака ископаемый череп. Снял блестящую черепную крышку и обнажил окаменевший мозг. Серо-желтоватая масса, изрезанная глубокими бороздами и бесчисленной сетью мелких извилин, блеснула перед глазами ученых. Круто вздымавшиеся бугры и доли больших полушарий казались упругими и живыми телами. Не здешней мощью веяло от этого вместилища неведомого гения.

— Следовательно здесь,—сказал он, протягивая череп Вейсу,—в этом мозгу, заключено все, что видел его обладатель за всю свою жизнь?

Вместо ответа психофизик бережно принял череп и с благоговением стал всматриваться, осторожно ощупывая мозг.

— Но каким же образом,—продолжал с легкой усмешкой профессор Венедиктов, вы рассчитываете вырвать из этого камня его тайну? Скрытые в нем, в течение многих миллионов лет, картины жизни, мне кажется, никогда не раскроются перед нашими глазами.

С этими словами он утомленным движением откинулся на спинку кресла

и, не скрывая добродушного удивления, стал следить за странными манипуляциями немца.

Последний не заметил иронии и даже не слышал обращенного вопроса. Он дрожащими руками поворачивал череп и разглядывал мозг. Вынул из кармана фарфоровый флакон, обмакнул туда маленькую кисточку и слегка мазнул ею мозг. Раздалось едва слышное шипение. Обожженное место окрасилось в синий цвет.

Черты психо-физика внезапно задергались. Казалось, по лицу пробежала болезненная радость. Губы зашевелились, но не произнесли ни звука. Когда кисточка вторично коснулась мозга с тем же эффектом, он медленно опустил череп на стол. Нервно скинул темные очки на профессора Венедиктова и тихо, едва подавляя волнение зашептал:

— Реакция есть!.. Вы видели реакцию?.. Все химические составные части мозга сохранились... Окаменение не разрушило всей нервной ткани. Оно лишь произвело некоторые изменения, но они не отразились на многих следах зрительной деятельности.

Помолчав несколько секунд, добавил:

— Остается только испытать действие моего аппарата.

— Как!—взволнованно воскликнул антрополог.—Вы совершенно серьезно намерены... Вы хотите проникнуть в недра этого каменного мозга?..

Он с опасением окинул маленькую фигуру психо-физика. Тревожно перевел глаза на темные очки, словно хотел убедиться в порядке его собственного мозга.

— Я далек от всякой шутки, и...—Вейс хотел что-то добавить, но на несколько мгновений остановился. Достал из чемодана какой-то тяжелый металлический предмет, напоминающий волшебный фонарь, поставил на стол и продолжал:

— Если «Лучи Фрама» окажутся достаточно сильны, чтобы разложить известковые слои, сковывающие мозг, мы проникнем в тайны этого черепа. Мы увидим картины жизни ископаемого человека. Перед вами—графобиоскоп. Он мною сконструирован на

основе действия лучей Фрама, открытых недавно английским физиком.

— Это невероятно!.. Невозможно!.. внезапно вскричал вскочивший с кресла профессор Венедиктов. — Мы будем видеть, что было сотни миллионов лет назад?.. Здесь?.. В этой комнате?.. Сегодня?.. Да мыслимо ли это?!

— Через несколько минут — спокойно ответил Вейс.

Неуловимый, бесформенный вихрь пронесся в сознании русского ученого. Предметы закачались, запрыгали перед глазами. Он нервно схватил чудесный аппарат, повертел дрожащими руками. Взгляд его был бессмыслен и дик.

Тем временем психо-физик расправил складной треножник и стал устанавливать по середине комнаты. Осторожно принял графобиоскоп и укрепил винтами.

Антрополог смотрел, не веря глазам.

— Прежде всего нам необходим световой экран, — заметил немец и соединил комнатный электрический провод с аппаратом. Из маленького рефлектора графобиоскопа вырвался яркий сноп лучей и залил ослепительным светом всю стену кабинета. Все бывшие на ней предметы исчезли. Сама стена нырнула куда-то в пространство. Осталась только прозрачно-белая, напоминающая зеркальную, поверхность.

Видя растерянное недоумение на лице антрополога, он пояснил:

— Соединение электрических лучей с лучами Фрама. — Затем взял со стола нерец, поместил внутри аппарата и закрыл герметически прилегающей дверкой.

Когда было все готово, он выключил свет из лампы. Повернул рычажок в аппарате и быстро опустился в кресло рядом с профессором Венедиктовым.

III

СНАЧАЛА от графобиоскопа по кабинету потекли волны теплого воздуха. Внутри его происходил какой-то сильный процесс. Комнатный вентилятор звонко зашел, увлекая нагретую атмосферу. Потом пение перешло в тонкий писк комара и стало едва слышно. На экран упали неясные

тени каких-то очертаний. Через пять секунд — стали ярче. Через минуту — внезапно превратились в живую красочную картину.

На протяжении всего экрана раскинулась часть огромного озера. С двух сторон оно окаймлялось фантастическим лесом. Мутно-зеленая поверхность воды была совершенно неподвижна. Густые испарения серого тумана поднимались у берегов. Через желто-синюю пелену неба на озеро глядел мрачно-красный диск солнца. Вдали, за куском высокого утесистого берега, вздымал черные клубы дыма и красивые языки огня величественный конус вулкана.

Вдруг картина изменилась с кинематографической быстротой. Перед изумленными глазами ученых осталась небольшая часть озера. Рядом развернулось низкое болотистое пространство. Невиданная растительность покрывала болото. Кошмарно-яркие краски и уродливые формы дышали жуткой и непонятной жизнью.

Первыми бросались в глаза багрово-красные, желтые, темно-синие тюльпаны в сорока ведерную бочку. Как огромные вазы из разноцветных камней, они неподвижно возвышались над болотом. Казалось не росли эти цветы, а вечно сидели на своих толстых черных стеблях. Неуклюжий, кряжистый, как олени рога кустарник, густой чашей окружал их со всех сторон. Вместо листьев на его ветвях торчали большие коричневые шишки.

Не зеленой травы, не мелких цветов, что украшают наши болота, здесь не было. Это было царство каких-то болотных исполинов. Везде во множестве змеились длинные лиано подобные растения. Они перекидывались с одного куста на другой, обвивали стебли цветов и ползли по воде.

Местами на кочках, огромными спрутами сидели какие-то неописуемые исчадия растительного мира. Длинные щупальцы были опущены в воду. Их серые тела грязными пятнами раскидывались по болоту. Иногда щупальцы поднимались из воды с каким-нибудь маленьким животным. Тело жадно присасывалось к ним, а щупальцы

снова погружались в воду. Но это не были животные. Они скорее походили на плотоядные растения. Двигались только щупальцы. Тела неподвижно сидели на одном месте.

В болоте и над болотом кишело великое множество самых невероятных по форме животных и насекомых. С одного цветка на другой перелетали черные бабочки, в виде огромных летучих мышей. Крылатые змеи взвивались из воды и гонялись за ними. На лианы выползали страшные, утыканные иглами черепахи, в зубах торчали еще живые змеи. Они их медленно и равнодушно жевали.

Только немногие из этих пресмыкающихся питались растениями. Большею частью они пожирали друг друга. Крупные поедали мелких, последние — еще более мелких и слабых. Нередко мелкие собирались полчищами, набрасывались на больших и разрывали.

В воздухе царили гигантские паукообразные чудовища, с длинными перепончатыми крыльями. Слегка колебля крылья, они висели над болотом. Завидя добычу, с молниеносной скоростью кидались на нее, схватывали и опять замирали в воздухе.

Временами, над равниной, расправив могучие крылья, как тени проносились летающие ящеры.

Неожиданно картина снова сдвинулась. Часть озера исчезла. Осталось только одно болото.

— Атлантозавр! — вскричал профессор Венедиктов. Ученые вздрогнули и прижались к креслам. По болоту двигалось титаническое страшилище. Даже на картине оно внушало безотчетный ужас. Это была целая гора. Чудовище неуклюже и тяжело ползло, то поднимая страшную голову на десятисаженной шее, то опуская ее вниз. Оно что-то разыскивало. Зеленые, выпуклые глаза рыскали темным светом по болоту. Необыкновенной длины и толщины хвост тащился вслед. Короткие крокодиловые ноги увязали в болоте по самое туловище.

Вдруг атлантозавр остановился. Мгновенно кинул голову вниз и вырвал спрутообразное растение. Когда оно исчезло в необъятной глотке, он двинулся дальше.

— Смотрите!.. Смотрите!.. Хищники!.. — воскликнул Вейс.

— Где?.. Какие хищники?.. — спросил профессор Венедиктов. — А!.. Действительно! Это мегалозавры — тигры юрского периода. Они, как видно, хотят напасть на атлантозавра.

Высоко подпрыгивая, хищники быстро приближались к чудовищу. Их было около десятка. Они были несравненно меньше атлантозавра, но ужаснее его. Одетые в твердый панцирь, эти животные походили на огромных аллигаторов, но на длинных и гибких ногах. Крово-красные глаза горели огнем ненасытной алчности.

Атлантозавр вздрогнул всей массой тела. Длинная шея сократилась. Голова с раскрытой пастью повернулась навстречу хищникам.

Но — вот передний остановился в двадцати метрах. Откинулся назад и взвился в воздухе дугой. Атлантозавр с такой же быстротой выпрямил исполинскую шею и метнул навстречу страшную голову. Но промахнулся. Хищник упал ему на спину. Кривые мечи когтей врезались в основание шеи. Из-под челюстей брызнули струи черной жидкости и потекли в болото.

Вслед за первым на атлантозавра свалились еще два хищника. Один впился в хребет, а другой высоко подпрыгнул и вцепился в самую середину шеи.

Атлантозавр рванулся вперед, пытаясь стряхнуть. Потом изогнул колым шею и раскрошил одного пополам. То же последовало и с другим. Но сидящего на шее он не мог достать. Напрасно, как стальную пружину, он сгибал и выпрямлял свою могучую шею. Хищник только глубже врезался в нее, вместе взлетая в воздух.

Остальные семь — уже сидели на спине. Клоchyа кожи, куски мяса летели в болото. Их тут же пожирали сотни мелких тварей.

Снова огромная голова взметнулась два раза. Двое хищников далеко упали бесформенной массой. Но на третий раз голове не удалось схватить нового врага. Она с раскрытой пастью бессильно откинулась назад.



Перед зрителями был пейзаж юрского периода.

Вместе со зверем, шея медленно разогнулась, высоко поднялась к небу и застыла, как каменный обелиск, в неподвижности. Истерзанное туловище извергало потоки крови.

Наконец, голова качнулась и вместе с шеей стала, судорожно вздрагивая, опускаться вниз. В то же мгновение на кровавую арену, как гарпия, упал крылатый ящер. Он подхватил одного хищника и исчез в высоте. Остальные соскочили с умирающего чудовища. Тревожно подняли окровавленные головы к небу. Затем длинными прыжками рассеялись по болоту. Атлантозавр издыхал.

— Какой ужас! — глухо проронил профессор Венедиктов.

Психо-физик молчал. Он был подавлен зрелищем жизни юрского периода.

Когда профессор Венедиктов снова взглянул на экран, ни умирающего гиганта, ни болота там уже не было. Мелькали какие-то неуловимые кар-

тины. Ключья непонятных пейзажей сменялись безднами то темно-синего, то голубого неба, то клубами серо-желтого тумана.

— Что это значит? — удивленно спросил профессор Венедиктов.

Мозговые клетки потревожены. Вероятно, окаменением сделано много повреждений, — ответил Вейс.

IV

ЧЕРЕЗ три минуты мелькание прекратилось. На экране распростерлось ровное безжизненное плато. Его окружали высокие вершины гор с белы-

ми снеговыми шапками. Ясное голубое небо с ослепительно белым солнцем покрывало горную равнину. Плато было пустынно.

Далеко из-за гор, сливаясь с голубым небом, к плато приближался отливающий серебром шар. Он быстро летел по прямой линии. С каждой секундой увеличивался.

— Как жаль!—прервал напряженное внимание Вейс,—что мы не можем видеть и никогда не увидим того, кто ожидает прибытия этого шара. Ведь, это и есть обладатель нашего черепа!

Шар вдруг брызнул длинным зеленым лучем на плато. Как метеор пролетел по косой линии и упал вниз. На его блестящей поверхности открылся круглый люк. Оттуда, с необычайной грацией и легкостью, выскочили две человеческие фигуры. На них не было почти никакой одежды. Тела облегали только короткие полупрозрачные туники, собранные на груди тонким золотым поясом. По форме тела—это были еще юные мужчина и женщина. Их тела, точно выточенные из перламутра, были прекрасны. Лица светились каким-то извечным внутренним огнем.

— Настоящие Амур и Психей!—нестерпел восторженный профессор Венедиктов. — Неужели—это люди Юрского периода?

Юные существа отошли на несколько шагов от шара. Остановились. Затем почтительно склонив головы, замерли в ожидании. К ним кто-то приближался. Но его не видно было. Это было заметно потому, как их фигуры увеличивались. Словно, они сами двигались все ближе и ближе к экрану.

Наконец, они подняли головы и, улыбаясь, стали что-то говорить. Лица их были обращены в сторону кабинета с ископаемым черепом. Казалось, что они вели беседу с ним, неслышную и непонятную очарованным и изумленным ученым.

— Herr Вейс!.. Herr Вейс!—умоляюще воскликнул профессор Венедиктов. — Они с нами говорят!... Обращаются к нам!... И мы ничего не можем ответить!... Милые, прелестные существа!... Как жалок ваш аппа-

рат, Вейс!—Его голос звучал отчаянием и тоской.

— Нет—едва слышно ответил психофизик.—Они не к нам обращаются, а к черепу. То есть обращались и говорили много миллионов лет тому назад, когда этот череп был облечен в живое тело.

— Но неужели мы его не увидим?—не унимался профессор Венедиктов.— Кто он такой?... Может быть, их отец?... Как они попали сюда?...

Психо-физик не отвечал. Сам ничего не знал.

Картина изменилась. На экране оказалась внутренность небольшой комнаты, наполненной розоватым светом. Ни окон, ни ламп не было. Свет струился из какого-то скрытого источника. У стен стоял ряд блестящих аппаратов из бледно-фиолетового металла. Аппараты имели коническую форму. По бокам было множество черных рычажков. Между ними поднимались до самого потолка бронзовые цилиндры. Серебряный ажур маленьких стрельчатых арок соединял цилиндры друг с другом.

Посередине комнаты, на высокой подставке, находился большой прозрачно синий шар. На его поверхности мерцали подобно звездам золотые точки. Шар тихо вращался на оси.

Часть одной стены внезапно исчезла. В комнату вошел юноша. Он приблизился к ближайшему аппарату и нажал рычаг. На противоположной стене появилось огромное зеркало, в котором отразилась вся прежняя картина. Ученые увидели пустынное плато, а на нем белый шар.

— Это что такое?...—Я ничего не могу понять!—с недоумением пробормотал профессор Венедиктов. Но в ту же секунду он увидел в зеркале, как шар оторвался от плато и устремился вверх.

— А-а!... Да это каюта в самом шаре!—догадался он.

— Совершенно верно!—подхватил Вейс.—А в зеркале отражается его полет. Смотрите! Плато уже исчезло. Кругом какие-то горы. С помощью этого удивительного зеркала, они, очевидно, ориентируются в пространстве.

Тем временем юноша подошел и прикоснулся к синей поверхности шара. В прозрачной глубине вспыхнул слабый свет. Золотые точки потухли. Шар превратился в копию какой-то планеты.

— Не Земля ли это?—подумал профессор Венедиктов.

— Негг Вейс!—мне кажется это глобус нашей Земли в Юрский период. Огромные пространства воды. Мало суши. У полюсов—только маленькие темные пятнышки. Вы как полагаете?

— Да! Должно быть она—в пору своего юного расцвета. Наш молодой аэронавт, вероятно, определяет место нахождения шара. Видите? По глобусу ползет белая точка. Она движется по океану к какому-то матерiku. Это и есть шар! Теперь взгляните на зеркало.

Профессор Венедиктов посмотрел на чудесное стенное зеркало. Там се-

одевался в белую пену. Черные тучи косматой непроницаемой завесой закрывали небо. Десятки смерчей в бешеной пляске гонялись один за другим. Как чудовищные винты, они сверлили и рвали океан.

Шар летел низко. Его непрерывно обхватали тучи, со злобными порывами набрасывались смерчи. Но шар неуклонно летел вперед. Он то исчезал в черных тучах, то снова появлялся. По временам шар пронизывал бесконечно длинным, зеленым лучом беснующийся мрак, как бы прокладывая себе путь.

Ученые не отрывались от грандиозной картины. Юноша тоже смотрел туда задумчивым взором.

Шторм стал постепенно успокаиваться и редеть. Шар вылетел из его мятежной стихии. Темная сплошная масса туч разорвалась. Как ключья истерзанных крыльев, она трепалась страшными порывами ветра... Смерчи исчезали.

Вдали показался берег материка. Шар замедлил полет. Он скоро летел над исполинским сумрачным лесом, окутанным в серо-желтый саван испарений.

Вдруг ученые громко и тревожно ахнули. Из леса вынырнула масса какого-то чудовища и устремилась за



Из шара вышли юные мужчина и женщина. Их тела были прекрасны.

ребриный шар неся со страшной быстротой над бурлящими водами океана. Материка еще не видно было. Гигантские волны, как живые горы, ходили по необъятному пространству,



шаром. Его можно было сравнить только с мифическим драконом. Блестя черной чешуей панциря, чудовище хищно змеилось в воздухе. Несколько пар узких могучих крыльев двигались с изумительной быстротой.

— Оно пытается настигнуть шар!.. испуганно прошептал профессор Венедиктов.

Юноша с улыбкой посмотрел на дракона. Потом слегка надавил рычаг. Шар метнулся вперед. Дракон остался позади. Но вдруг, он вытянулся и стрелой погнался за шаром. Крыльев почти не видно было.

— Какое совершенное чудовище! — воскликнул Вейс. — Даже трудно поверить, что оно существовало в действительности. Ведь, палеонтологии о нем ничего неизвестно!

— Он настигает!... Настигает!... О, ужас! — со страхом шептал профессор Венедиктов.

Дракон быстро приближался к шару. Юноша с улыбкой продолжал смотреть. Его видимо, забавляла эта погоня. Чудовище почти касалось шара. Улыбка на его лице исчезла. Рука поднялась к бронзовому рычагу на стене, но в это время в дверях каюты появилась воздушная фигура девушки. Юноша изменил свое решение. Рука снова легла на рычаг аппарата. Шар, со скоростью пушечного ядра, устремился вперед. Кругом все слилось в прозрачно-серую мглу.

Когда шар опять замедлил полет, — первобытного леса не было. Вокруг, как и прежде, расстился необъятный простор океана. Огромный багровый диск солнца, наполовину погрузившись в океан, изливал море ослепительного пурпура. Шар остановился. Вместе с кровавыми отблесками заката стал медленно опускаться вниз. И сел на зеркало воды. Ровные круги расступились и поплыли по океану, мерно увеличиваясь.

— Прекрасное зрелище! Что за чудная панорама! — произнес профессор Венедиктов, мечтательно глядя на океан.

— Да!... Картина.. прекрасна! — задумчиво протянул и психо-физик. — Но я все же не в состоянии во всем этом разобраться. Здесь какая-то тай-

на! Кто эти существа? Мы видели только природу Земли, ее чудовищных обитателей. Никаких признаков человека, ни малейших следов техники нет. Шар и его прелестные пассажиры — с кем-то еще третьим — не принадлежат к этому миру. Но откуда они?... Быть может, с какой-нибудь иной планеты?...

Психофизик умолк. Оторвал взгляд от экрана и задумался над неожиданной догадкой.

— С другой планеты? — недоверчиво повторил профессор Венедиктов. — Но тогда зачем они здесь, на этой первобытной и дикой Земле?...

Не получив ответа, он стал смотреть на экран.

Солнца уже не было. Оно утонуло в глубине океана. Осталась длинная кайма оранжевой зари. По синему небу выплывала полная луна. Такой луны антрополог никогда не видел. Он несколько раз намеревался обратить внимание Вейса, но не в силах был оторвать очарованного взора. Словно окутанная бриллиантовой мантией, луна струила в океан лучи неопишуемого света. Она искрилась разноцветными огнями и плыла, как ночная царица. Чудный лик был опоясан ореолом фиолетовых, желтых и зеленых кругов.

V

МОЛОДАЯ чета снова появилась в каюте. На них не было прежних полупрозрачных туник. Тела были задрапированы в длинные белые одежды. Головы украшались высокими сапфировыми тиарами. Они подошли к синему шару. Юноша прикоснулся к оси шара. Вращение прекратилось. Внутри вспыхнул синий свет. Прежние очертания Земли исчезли. Из синей глубины всплыл ярко белый шарик и стал расти. Он напоминал маленькую Луну.

— Смотрите! Что это?... Что такое с Луной? — громко закричал профессор Венедиктов, указывая на зеркало. С Луной происходило нечто невероятное. Она быстро увеличивалась в размерах. Казалось, что Луну притягивала некая непреодолимая сила.



Дракон гнался
за шаром...

По мере приближения Луны, в спеле шаре происходило соответствующее увеличение ее маленького отражения.

Психо-физик долго и пылливо смотрел то на шар, то на зеркало. Потом неожиданно подскочил на мягком кресле. Вытянул голову к профессору Венедиктову и тихо спросил:

— Вы понимаете?...

— Нет! ничего не понимаю! — грустно ответил антрополог, не отрывая глаз. Но тут же нерешительно добавил:

— Может притяжение только оптическое?...

— Ну, конечно! — радостно и уже громко проговорил Вейс. — Зеркало, очевидно, обладает, кроме катоптрических и телескопическими свойствами. Но весь секрет, кажется, в этом чудесном синем шаре.

Луна все увеличивалась. На ней ясно вырисовывались замкнутые окружности горных цепей. Видны были морские бассейны и материк. Скоро Луна заняла все зеркало. Она распростерлась во всю величину неба. Закрыла своим безграничным телом весь горизонт, океан и мириады звезд. Несказанно грандиозным зрелищем она развернулась перед глазами подавленных ученых. В зеркале уместилась уже только незначительная часть планеты. Какой-то одной точкой она

приближалась, раскрывая картины таинственного мира.

Ученые уже отчетливо различали обширную долину. По середине, у зеркальной поверхности озера, виднелись величественные сооружения какого-то города. Во все стороны от него тянулись длинные ровные каналы. Целые караваны блестящих тел, эллипсоидной формы, двигались по каналам. В воздухе носились в разных направлениях белые серебряные шары.

Никакой растительности нигде не было. Всюду сверкали разноцветные металлы. Ими отливали причудливые формы огромных дворцов, высоких цилиндрических башен со стеклянными куполами. Скрещивались и извивались линии легких арок и мостов, перекинутых с одного сооружения на другое.

От сочетания металлических цветов и архитектурных форм веяло недосыгаемой красотой и совершенством. Растительный мир казался бы невыносимым нарушением гармонии. Это был особый мир. Его создал какой-то высоко развитый разум.

— Ну, а где же живые существа, обитатели?... — думал профессор Венедиктов, тщетно пытаясь отыскать глазами хоть одного лунного жителя.

— Herr Вейс! Ведь это—какой-то мертвый город — механизм! Где же селениты?

И действительно, обитателей в лунном городе не видно было. Глухие, замкнутые тела шаров и эллипсоидов двигались подобно частям одного гигантского механизма.

Весь город был залит прямыми лучами яркого солнечного света. Отсутствие теней и режущий блеск металла указывали на нестерпимый зной, царящий над городом. Он казался раскаленным миром. Стройные линии каналов и поверхность озера кидали ослепительные отблески расплавленного серебра.

Вдруг приближение прекратилось. Но это произошло так неожиданно, что у ученых даже вырвалось единодушное восклицание. Словно они вместе с кабинетом упали в центр лунного города. Но, в то же мгновение, на экране снова замелькали неясные тени.

— Не ошиблись ли мы?—обратился к психо-физику профессор Венедиктов.—Не был ли то обратный полет шара на Луну? Ведь, они, кажется, оттуда?!

Психо-физик снял свои темные очки. Тщательно протирая их носовым платком, спокойно ответил:

— Не думаю!.. Если бы это было так—мы ничего не увидели бы. Обладатель нашего черепа, — повидимому — третий пассажир, — благополучно возвратился бы на Луну. Несомненно, общение с Луной было только оптическое! Оно носило, быть может, чисто отчетный характер об этой экспедиции селенитов на Землю...

Но он не успел окончить. На экран опять упала картина каюты с юными путешественниками. В зеркале был виден океан с шаром на поверхности. Серебристо-розовый диск быстро удалялся.

— Вы видите?!—изумленно встретился Вейс, указывая рукою на синюю бездну океана.—Чем это объяснить?...

Из темной глубины, поблескивая лунным светом, появлялись и исчезали какие-то черные тела. Их было несметное множество. Вся видимая

часть океана казалась сплошь живой массой.

— Мозозавры!...—воскликнул профессор Венедиктов, когда у самого шара из воды вынырнуло исполинское змееобразное чудовище. Свернувшись в воздухе кольцом, чудовище скрылось в глубине. За первым взлетело второе, третье, четвертое... Вся поверхность океана запрыгала, заволновалась.

— Вот еще, еще! Смотрите!.. Плеозавры, ихтиозавры!—кричал профессор Венедиктов, испуганный жутким зрелищем. Из бездны выплывали все новые чудовища. Океан пенился и бурлил от их бешеной пляски. Каскадами брызг и пеленами пены он одевал обезумевшие тела.

Внезапно, весь горизонт окрасился ярко-багровым пламенем. Чудовища со страшной стремительностью замесались, извиваясь и взлетая в воздух. Они как бы пытались уйти из ужасных глубин океана. Бешено накидывались друг на друга, сплетались в фантастические клубки. Разрывали чужие и свои собственные тела под властью какого-то безотчетного ужаса.

Кровавое зарево охватило все небо.

Океан вздымал столбы и горы воды. Вдруг, на мгновение, океан замер и ровным светом отразил на себе пламенеющее небо. Потом дрогнул и всей бездной поднялся к небу, стремясь залить его безграничное пространство. Но тут же рухнул вниз и бессильно затрепетал в смертельной агонии. Как могильный памятник, из его глубин выросла черная громада конической огнедышащей горы. Море черного дыма сковало небо непроницаемым мраком. Только раскаленная пасть горы разрежала тьму тусклым столбом пламени. Но это продолжалось два—три мгновения. Вулкан вдруг дыхнул только одним огнем. Хаос снова озарился мертвящим светом. Но жерло раскололось, не выдержав внутреннего напора. Вся гора распалась на две части и исчезла в недрах земли, увлекая трепещущий океан.

Черный, неприглядный мрак снова поглотил все, но уже вместе с экраном. Он долго не рассеивался. Когда

приключений.

исчез—остался только прозрачно - белый и пустой экран.

Вейс пришел в себя первый. Он выключил работу аппарата и осветил кабинет зеленой лампой. Открыл

Профессор Венедиктов испуганно выхватил его и приподнял пережатую черепную крышку. Под ней зияла черная и пустая полость. Мозга не было.



Из глубины океана поднялся вулкан. Чудовища заматались, извиваясь и взлетая на воздух...

металлическую дверку графобиоскопа. Изнутри на ученых глянул обугленный, обезображенный лик черепа. Почерневшие орбиты глазниц укоризненно смотрели из глубины.

Он громко ахнул и взглянул на Вейса с горестным изумлением. Череп выпал из рук. Глухо ударился об пол и распался на множество мелких осколков.





Рассказ Я. КАНТОРОВИЧА

Иллюстрации С. Э. ЛУЗАНОВА

— Холодно!

Часовой, поеживаясь от попадавших за воротник шинели дождевых капель, переложил винтовку из правой руки в левую.

— Скоро ли сменят? — размышлял он, расхаживая вдоль длинного здания порохового склада.

Пороховой склад, бывший амбар экспедиционного Т-ва «Меркурий», представлял собой длинное одноэтажное каменное здание, расположенное на самом краю города. Передним фасадом он выходил на проселочную дорогу, задним — смотрел в лес, от которого его отделяла небольшая поляна.

Уже третьи сутки моросил мелкий осенний дождь, превративший поляну и полотно дороги в грязную жижу. После вспыхивавших иногда вдали ракетных зарниц мрак казался еще гуще. Единственными живыми звуками были шаги часовых (склад охраняли двое часовых, по одному с каждой стороны) и глухо звучащая вдали оружейная перестрелка.

Охранявший задний фасад красноармеец, часто останавливаясь, напряженно прислушивался, стараясь проникнуть взглядом в окружающую его темень. Уставшим за суточное дежурство глазам куст орешника казался врагом, притаившимся в лесу. В шесте падающих листьев чудились крадущиеся шаги неприятельского разведчика... Крепче сжимала рука вин-

товку... Убедившись в своей ошибке часовой продолжал расхаживать.

Слышны шаги...

— Опять чудится, — с досадой подумал он.

— Нет... Кто-то идет.

Слышалось жирное чваканье ступней в грязи...

Развод? Но ведь он подходит с той стороны. Кроме того дает знать о своем приближении свистком, чтоб можно было проверить пароль на 50-ти шаговой дистанции от склада...

А шаги ближе, явственнее...

Острыми рывками заколотилось сердце.

— Сто-й-й... Ни с места-а-а-а!

Еста-а-а — ответило эхо. Ответа нет, шаги приближаются, противно чвакают...

Приятно прижать к щеке холодный, гладкий приклад. Бодрит прикосновение к спусковому крючку...

— Сто-й-й!.. ой-ой-ой раскатилось по лесу.

Сопит... чвакает... чвуак... чвуак...

Острой иглой блеснул огонь. Многократным эхом всполошилась тьма. Тотчас выстрелил второй часовой. Ружейная стрельба учащалась, ширилась; посты и разъезды затеяли тревожную переключку.

— Янек, стреляют.

— Да! Чтoб эго могло быть, Ан-тось?

— Слышишь, скачет разъезд, теперь придется ждать!

— Идут! Как бы не вздумали сюда сунуться,—тревожно заметил Янек.

Разговаривавшие, польские офицеры, неразлучные друзья, взялись по поручению начальства взорвать большевистский склад боевых припасов, где хранились снаряды, гранаты, патроны. Это нанесло бы большой урон, так как снабжение фронтов из тыловых складов из-за осенней распутицы было сильно затруднено. Оба лежали в лесу, у опушки, скрытые от света полевых электрических фонарей густо разросшимися молодыми елочками, разговаривали едва уловимым шепотом.

— Ой, Янек, — шепнул вдруг Антось так громко, что его товарищ испуганно схватил его за руку.

— Тише, ты ведь нас выдашь!

— Смеются, — только и мог прошептать изумленный Антось.

Оба прислушивались к раскатистому хохоту, отыскивая глазами причину, вызвавшую смех красноармейцев.

— Пся кровь, — с досадой проговорил Антось. Не пови... — он не дождался и прерывающимся от смеха шепотом обратился к Янеку.

— Часовой... подстрелил... свинью. Слышишь: хрюкает!..

Дежурный по гарнизону хвалил смущенного часового.

— Спасибо, товарищ! Вы правильно поступили. В темноте нечего разбирать, кто идет. Ну-с, до свиданья. Смена через час!

Отряд усакал. Стало опять темно. Часовой продолжал растягивать, прислушиваясь к звукам приближавшейся канонады.

Офицеры совещались.

— Надо подождать.

— Ничего хорошего мы не дождемся, — мрачно шептал Антось. — Не забывай, что по плану мы должны были приступить к работе за 1½ часа до смены караулов. Усталость часовых к концу дежурства — лишний шанс на успех.

— История с свиньей взбудоражила часового. Благодарность начальства подняла ему настроение, теперь он будет бдительней. Лучше выждать, — возражал Янек.

— Нет. Лучшего положения мы не дождемся. Скоро придет свежая смена, часовые будут внимательнее, они еще вздумают обыскивать лес. Надо действовать.

Янек не возражал, и друзья двинулись в путь.

Ползком, пачкаясь в липкой грязи, пересекали они поляну, прижимаясь к земле и замирая при приближении часового. Отравленный быстродействующим ядом кияжал составлял все их вооружение. На спинах в брезентовом ранце они несли 2 зажигательных снаряда с получасовым детонатором (трубка для зажигания взрывчатого вещества, рассчитанная на получасовое горение. Сама трубка зажигается от воспламенения гремучей ртути при спуске ударника).



Польские офицеры лежали вблизи склада боевых припасов.

Предстояло, добравшись до склада, уложить снаряд у дверей и пустить в ход механизм, и поскорей убраться в лес, где офицеров ждала подвода. На случай порчи механизмов они имели по запасному снаряду.

Медленно продвигались друзья вперед. Все яснее выступал фасад склада, с желтеющими посередине дверями.

Вдруг Янек почувствовал у своего виска что-то холодное и скользкое. На него уставились глаза, наводя жуть фосфорическими блестками.

— Матка Бозка,—шепчет офицер.

А щенок недоумевающе смотрит на странное существо. Человек? Но ведь люди не ползают по грязи, они смотрят на собак сверху вниз. Щенок почувствовал антипатию к этому существу. Он готов испустить грозное: р-р-р-р.

Опомнившийся первым Антось сжал собаке глотку, ядовитым острием кинжала ткнул в морду.

Наконец офицеры добрались до стены. Уложив снаряды и спрятав их получше в траве, разросшейся под стеной, они спустили ударники. Все благополучно, механизм в порядке. Через полчаса склад взлетит на воздух. Назад.

Четырехкратный залп, раздавшийся слева, развеселил офицеров.

— Нашим так удалось обойти левый фланг,—шепнул Янек, прислушиваясь к прерывистому мяуканью снарядов.

— Скорей, пока канонада отвлекает внимание часового,—ответил Антось.

— Чорт, дьявол,—злобно выругался часовой, споткнувшись о труп собаки.

— Вот навождение,—раздалось через некоторое время его удивленное бормотанье.

Взвившаяся слева за лесом польская ракета осветила голубоватым светом окрестность. Казалось, что блестящий шар, поднимаясь, увлекает за собой темную завесу ночи, обнажая сплошную массу леса, угрюмое длинное здание, часового, ощупывающего еще теплый собачий труп, и 2 фигуры, прильнувшие к грязной, поблескивающей лужами, земле. Шар, добравшись до облачных высот, лопнул, рассыпался на много мелких шариков и вся эта блестящая плеяда устремилась вниз и стало вдруг темно.



— Бомбы, товарищ командир!..

— Иезус-Мария! прошептал облегченно Ан-
тось.

Часовой соображал над трупом собаки. Офи-
церы продолжали путь.

— П-ф-ф-ф... спесиво взвилась вверх новая
ракета. Часовой заметил впереди себя не успе-
вшие подняться фигуры. Зловеще лязгнул за-
твор.

Бросившиеся бежать люди еще виднелись
в свете меркнувшей ракеты, когда раздался
выстрел...

Из того места, где пуля настигла
беглеца, сопровождаемое оглушитель-
ным взрывом полыхнуло огромное
пламя.

Раньше свалился Янек, смертельно
обожженный огнем. На него медленно,
как бы нехотя, склонился Антось;
оба горели ярким, бездымным пла-
менем. В воздухе отвратительно за-
пахло горелым мясом. Пуля попала
в запасный снаряд, лежавший в ранце
на спине офицера, пробила оболочку
и воспламенила начинку.

— Искать, — прохрипел командир
прискакавшего первым кавалерий-
ского разезда, и бросился сам ша-
рить руками у стены. Освещавший
их человеческий костер потухал.

— Фонарей, — крикнул он, не обо-
рачиваясь.

Засветились фонари.

— Бомбы... товарищ командир! —
Двое красноармейцев подбежали к
нему, неся в руках по тяжелому сна-
ряду, в гладких, полированных стен-
ках которых отражались лучи фо-
нарей.

— Кидай!.. — закричал кто-то.

— Не смей, — рявкнул командир.

Выхватив у одного из красноармей-



Пуля красноармейца про-
била взрывчатый снаряд.
С оглушительным взрывом полыхнуло
огромное пламя.

цев снаряд, он бросился к лесу, кри-
кнув другому: — За мной!

Фонари направились им в спину,
освещая путь. Они уже добрались до
опушки.

— Сейчас кинуть снаряды вглубь
леса...

Грохот взрыва на минуту покрыл
звуки канонады... трубка догорела...
Полчаса прошли...

Злобно грохотали орудия, нащупав-
шие, наконец, польскую батарею.



РАССКАЗ ИЗ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ЖИЗНИ

МАРКА ТРОЕКУРОВА

Иллюстрации В. Н. СЕЛИВАНОВА

Начальник участка Степной ж. д. инженер Скулович нахмурил лоб и философски изрек:

— Всякому делу следует отдаваться с увлечением, тогда успех обеспечен.

— Бесспорно. Ваш личный пример блестяще подтверждает эту истину, — отозвался ревизор движения Гапченко.

Гости весело рассмеялись.

Во-первых, прописные сентенции — единственная начинка Скуловича, во-вторых, он только что осилил запутанный лабиринт предварительных ухаживаний за очаровательной блондинкой, лабиринт, приведший его к светлой точке гражданского отдела, а, в-третьих — Гапченко сам застрял в теснинах этого лабиринта, что также было всем известно.

— Склонность к глумлению есть доказательство поверхностного мышления, — собравшись с силами, отпарировал Скулович.

— Излишнее глубокомыслие ведет к потере аппетита, — не унимался Гапченко.

Толстяк Кумов, безобидный обжора, решил, что вопрос перешел в область его компетенции. Он только что осилил монолитную глыбу жирной кулебяки и теперь старался водворить ее на надлежащее место гидравлическим прессом различных напитков.

— В потере аппетита виноваты женщины, — вставил он с легким шипением, сиюсья преодолеть давление последнего стакана пива. — Шерше ла фамм, так сказать.

Место выдвленных слов заняла новая порция гидро.

— Правильно, Кумов. И чаще всего блондинки, — поддержал приятеля сухой, как шпала, Залкинд. — Прискорбный случай, собравший нас к пиршественному столу, лишний раз подтверждает эту грешную истину.

Гости рассмеялись снова, кто-то даже заплодировал. Новобрачная Марья Павловна, хорошенькая блондинка, шутя потрепала остряка за седеющие вихры.

— Вот вам, противный! Разве брак — прискорбный случай?

— Для неженвшихся — да.

Скулович показал гостям только что полученную телеграмму и продолжал:

— Мое первое замечание было вызвано вот этим. Поздравление от бывшего нашего служащего по охране дороги, Жбанкова.

— Я его знал. Где он теперь? — спросил Кумов, сгоняя бутылки к своему прибору.

— Искореняет бандитизм на Востоčno-Китайской дороге. Талантливейший парень. Советский Шерлок Холмс, так сказать. Врожденное дарование. Какая логика, какие выводы, заключения! И заметьте: человек без всякого образования.

— Встречаются такие, — вставил Гапченко. — И среди образованных бывает наоборот...

Скулович пропустил замечание мимо ушей, он продолжал восхищаться Жбанковым:

— Как тонко он предотвратил нападение на наш ускоренный в прошлом году! Вероятно, все еще помнят?

— Я не слышал.

— Что-то не припоминаю...

— Расскажите, Иван Станиславович. Вы у нас спец по этой части,— заинтересовались гости.

— По части открытия Америк,— пробурчал верный себе Гапченко.

Скулович зачем-то нацепил на нос пенсне и глубокомысленно нахмурил лоб, словно действительно готовился к открытию неведомого материка.

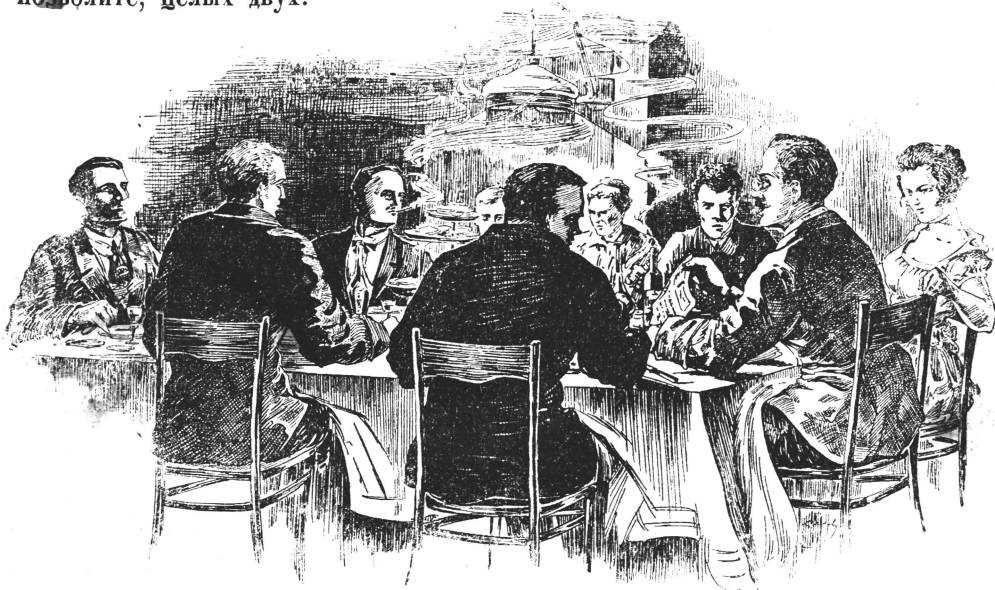
— В этой истории мне придется согласиться с Залкиндом по вопросу о блондинках. Одну блондинку придется вывести на сцену, даже, если позволите, целых двух.

путствует неизбежная спутница — скука.

Лоб Скуловича вновь принял колумбово выражение.

— Смирновск, как вам известно, является распорядительной станцией нашей дороги. Город прекрасный, только кличка не по шерсти. Вечно там заваривается какая-нибудь каша.

В момент настоящей истории охрана станции возглавлялась неким Чаусовым, одним из помощников которого состоял Жбанков. А на приеме телеграмм сидела этакая аппетитная блон-



Скулович показал гостям только что полученную телеграмму..

— Может быть одна—крашеная?— булькнул Кумов в пивную пену.

— Вопрос об окраске не будет иметь существенного значения, — серьезно сказал Скулович.

— Значит, нам не ждать красочного рассказа? — снова съехидничал Гапченко.

Слушатели запротестовали:

— Будет вам тужиться, Гапченко.

— Не всякая острота удачна...

— Рассказывайте, Иван Станиславович.

— Извольте. Только условимся: всякие вопросы в конце. И не позволяйте ревизору движения Гапченко ревизовать движение моего рассказа. Ибо всякому его вмешательству со-

диночка, Калерия Львовна. Если у нее была фамилия, то эта фамилия была известна разве только в списках личного состава, а сослуживцы знали блондинку просто, как Калерию, иногда—как Калерию Львовну. Жбанков являлся активнейшим работником, что называется, без страха, но,—везде можно найти это но,— с одним маленьким упреком: когда был свободен, он неотлучно торчал возле Калерии. Такова уже притягательная сила блондинок. Так было и в то майское утро, когда ускоренный № 7-6 ждал своего отправления.

Перед самым отходом поезда была получена шифрованная служебная депеша с Сибирской линии. Депеша

предупреждала о возможности нападения на поезд, с которым, как нам было известно, отправлялись под сурдинку большие ценности. Далее высказывалось предположение, что с поездом следует один или несколько бандитов. В общем—определенных указаний никаких.

Ценности на всякий случай задержали, однако поезд необходимо было отправить. Несомненно, пассажиры подвергались некоторому риску, но что же делать?

Чаусов, к слову сказать, человек, склонный к жвачке, растерялся и не знал, что предпринять в предупреждение действий бандитов. Он метнулся на телеграф.

— Жбанков, иди сюда... Головоломное дело, брат... Ты у нас в советские Шерлоки метишь. Ну-ка, шевельни мозгой...

Чаусов рассказал, в чем дело. Глаза Жбанкова загорелись. Сейчас, по привычке, усы теревить. А усы у него—две чернильные кляксы под самым носом.

— По составу проходили?

— Проходил. Ничего, на мой взгляд, подозрительного.

— Охрану усилили?

— Усилил, насколько возможно.

— Частные телеграммы смотрели?

— Нет.

— Идем к Калерии.

Чаусов и Жбанков просмотрели поданные телеграммы.

— Похоже на шифр,—сказал Жбанков, вертя в руках бланк, исписанный тонким, красивым почерком.—Как вы думаете?

Чаусов прочел:

«Станция Песчанка. Востребования. Лузинной. Масло придет седьмым. Погода прекрасная. После операции сердце останавливается, температура сегодня 37,5. Встречайте. Ребятишек поцелуй тысячу. Жесткий».

— Телеграмма подана 9.15, сейчас 10. Передали?—спросил Жбанков.

— Сейчас передаем.

— Задержите пока.

Чаусов и Жбанков тихо совещались.

— Телеграмма самая обычная. Ничего подозрительного не вижу,—настаивал Чаусов.

— Взгляните в окно,—волновался Жбанков.—С утра льет дождь, а тут—«погода прекрасная».

— Да, пожалуй...

— «Погода прекрасная» надо понимать: «все идет хорошо». Не заметили, кто подавал бланк?—спросил он Калерию.

— Не обратила внимания, кажется, носильщик. Вы же сами знаете, сегодня просто завалили телеграммами.

А сама на Жбанкова этаким упрекающим взглядом. Жбанков даже губу закусил,—досадно стало. Он вспомнил: стоял около, когда Калерия машинально считала слеза, ошпаривая его глазами. И он взглянуть не догадался, занят был рассматриванием белокурых завитушек у ней на висках.

— Оплошали...—Жбанков отвел Чаусова в сторонку.—Знаете, что? Я сам махну с поездом. Переодевшись. А телеграмму надо отправить. Это поможет задержать кого-нибудь из шайки. Потом, я уверен, телеграмма только подтверждает заранее выработанный план. Так что, отправим или нет, нападение все равно произойдет.

— Но где и каким образом?

— Если бы бандиты нам любезно сообщили, тогда и говорить было бы не о чем. Все же можно догадаться о главном. Как это бывает? Останавливают в глухом месте поезд и—пожалуйста бриться!.. Надо следить за тормозами.

После всестороннего обсуждения телеграмму решили отправить по назначению. Охране станции Песчанка послана шифрованная—следить за адресатом и принять меры.

Встречный поезд из Песчанки выходил в 16.20. От Смирновска до Песчанки 445 верст. Поезда встречались на ст. Гнилово,—340 верст от Смирновска.

Учтя все это, Жбанков решил, что нападения раньше 340-й версты ждать не следует, иначе теряла всякий смысл телеграмма, посланная, так сказать, в пространство.

Подпись «Жесткий» явно была вымышленной.

Жбанков ломал голову, стараясь проникнуть в сложную задачу шифра.

Его глаза блестели, как маслишки, он все время пощипывал хвостики под носом, Чаусов даже рассердился:

— Сколько раз тебе говорил, сбрей эти придатки. Ведь раз увидишь—на всю жизнь запомнишь эту мерзость.

— Дело не в этом. Усы—пустяк, раз плюнуть...

Жбанков в поезд не входил, чтобы не бросаться в глаза. Однако, набросив красноармейскую шинель, вдоль состава несколько раз прошелся. Все время моросил мелкий надоедливый дождь, тепло было, как в бане. По платформе растерянно бегал какой-то молодой парень с чайником в руках.

— Браток, не знаешь ли, где наши, челябинские?—парень поймал Жбанкова за рукав.—Вагон потерял, мать честная...

— Номер надо замечать.

— Какой там номер! Мы неграмотные. Вот, лзви их душу!—парень с сокрушением вздохнул и полез наугад в первый попавшийся вагон.

Жбанков машинально скользнул глазами по составу. Как гвоздь вклинилась в сознание мысль: «Здесь!» На новенькой зелени вагона III-го класса стояло:

ЖЕСТКИЙ 1000.

Жбанков бросился в дежурную комнату.

Через пять минут поезд отошел, с опозданием на четверть часа.

В отделении восемь человек.

Чистенький, круглолицый гражданин, с бачками, типа Чичикова, пьет чай с вареньем.

Он очень словоохотлив и уже успел всем сообщить о цели своей поездки—в Фергану, по делу хлопко-треста. В пятнадцатый раз он подвигает баночку с вареньем своей vis-à-vis, хорошенькой блондинке, предлагая «подсластить внутренности», как он картинно выражается.

Блондинка пожимает плечами и в пятнадцатый раз отказывается.

— Благодарю вас, еще раз повторяю, я не выношу сладостей.

Чичиков настойчив:

— Никогда не поверю. Барышни все любят сладкое.



Жбанков читал загадочную депешу.

— Похоже на шифр,—сказал он...

— Ну, значит, я не барышня.

Чичиков пристально смотрит в голубые глаза собеседницы, исследует ямки на щеках, жмурится и облизывается, как кот:

— Не похоже... Клянусь Аллахом, не похоже.

Пассажиры как-то виновато улыбаются, за исключением жалкого паралитика, повидимому, вообще неспособного улыбаться. Ему лет 35, брови нахмурены, выражение лица страдальческое, правая сторона тела парализована, нога отставлена, как деревянная.

Рядом с блондинкой—место человека в инженерной фуражке. Нервное, увядающее лицо, спазматическая улыбка часто кривит тонкие губы. Такую улыбку можно наблюдать на портретах Вольтера и Джиоконды да-Винчи.

Поодаль—почтенная чета, типа уездных волкодавов. Он—одуловат, землист лицом, часто оттопыривает нижнюю губу и зачем-то дует себе в нос. Челюсть огромная, лошадиная. Подруга—бела, крупичата, лунный лик, лоб отсутствует, о мыслительных способностях не может быть двух мнений. С ними—чадо, подросток—девочка лет пятнадцати. Жадно читает распухшую книжонку и часто закрывает глаза, переживая прочитанное.

Восьмой—у самой двери,—молодой человек в бархатной толстовке. Часто взгляды на подростка. Та, украдкой, на него. Когда их взгляды встречаются, девочка розовеет и опускает глазки в книгу.

Вот и все. Итого—восемь.

* * *

Рассказчик замолчал и победоносно поводил глазами по аудитории. Все слушали очень внимательно, это даже немного удивляло Скуловича.

— А где же ваш Жбанков? — не утерпел Гапченко.

— Я очень просил не перебивать. Все предусмотрено. Один из восьми—Жбанков. Итак, я продолжаю.

* * *

— Жбанков изучил своих спутников и пришел к безотрадному выводу: мелкота. Побывал в соседнем отделении,—там еще безнадежнее. Группа рабочих каменщиков и несколько человек крестьян и крестьянок. Разочарование и досада наполнили все существо Жбанкова. Похоже: прокатиться до Песчанки впусую. На обратном пути ребята, рассованные теперь по разным вагонам, засмеют. Кончена карьера советского Шерлока Холмса!..

А текст телеграммы, заученный наизусть, так и лезет в голову, напрашивается на расшифровку. И ничем его оттуда не вышибить:

— Масло—это, несомненно, ценности. Погода—благоприятная обстановка. Сердце—поезд, который должен остановиться: Температура... Что может означать температура? 37,5... Или—35,7?

Порылся в карманах. Вспомнил:—бумажка с текстом в старом платье осталась. От досады даже скрипнул зубами и еле из роли не вышел.

А время идет, а версты бегут.

Обстановка в вагоне самая мирная. Чичиков все время рассказывает глуповатые, но смешные анекдоты. Блондинка от души хохочет. Девочка-подросток примостилась около, тоже смеется. Подхихикивает и молодой человек в бархатной толстовке.

Незаметно перешли на страшные истории. Центр вникания переме-

щается к инженеру с улыбкой Вольтера. Этот рассказывает картинно, живо и интригующе. Девочка попеременно раскрывает от волнения то рот, то испуганные глаза.

— Лиля, ты смерила себе температуру?—крикнула круглая дама дочери.

— Нет, мама.

— Сейчас же поставь градусник. Скоро четыре часа. Сколько было утром?

— Тридцать семь и пять.

Жбанков насторожился.

— Что за чертовщина? Неужели с этой стороны? Да нет, быть не может. Просто, совпадение... А что если и вся телеграмма плод его фантазии... Жбанкову видно девочку. Она смотрит на него и краснеет, не знает, что делать с термометром. Жбанков отворачивается и бесцельно смотрит в окно.

Местность—однообразная. Песчаные холмы и редкие перелески. Похоже, будто поезд идет по кругу, в сотый раз пробегая одно и то же место.

А время идет, версты бегут.

Болтовня прекратилась. В отделении разлилась вязкая, томительная скука. Ждали станции, где можно заpastись кипятком и пообедать. Блондинка, одев пенснэ, смотрела в окно. Инженер читал газету.

— У вас хорошее зрение?—обратилась к нему девушка. Сколько версты отъехали?

Инженер придвинулся ближе и, умышленно стараясь дышать ей в затылок, стал ждать верстовой будки.

— 324,—сказал он и вынул часы. Скоро будет большая станция. Можно пообедать. 325... Поезд идет ходко, ровно верста в минуту. Жбанков машинально, по привычке, вслушивался в разговор. Он тоже ждал этой станции, где встречаются поезда. Бессознательно следил за убаюкивающим ритмом колес, мысленно повторяя про себя:

— Температура... температура... температура...—На низких нотах отбивал жесткий тысячный. Ему вторил соседний, на более высоких:

— Тридцать семь и пять... Тридцать семь и пять... Триста семьдесят пять.

Жбанков даже привскочил на месте. Если бы кто-нибудь следил за ним в эту минуту, его инкогнито было бы разгадано.

— 375! Идиот! Как я не сообразил раньше? Сердце останавливается, температура 37,5—поезд остановят на 375-ой версте! Ясно, как кофе!

Вагоны застучали по стрелкам. Поезд подходил к станции.

— Подсядет кто на этой станции или нет?—соображал Жбанков и мысленно принялся комбинировать дальнейший план действий. Ему неожиданно стал понятен взгляд одного из пассажиров, несколько минут тому назад брошенный на красную ручку тормозного крана. Таких случайных взглядов не бывает...

* * *

Скулович остановился и с улыбкой обратился к хозяйке дома:

— Пока мои пассажиры закусывают, с вашего разрешения, я также выпью стаканчик винца...

— Конеч?—спросил слегка задремавший Кумов.

— Пока только маленький антракт, для подкрепления сил, — улыбнулся Скулович.

— А вам уже, дяденька, приснился конеч? Любопытно знать какой?—засмеялся Залкинд.

— Жбанков влюбился в блондинку и Кумова пригласили на свадьбу,—пробасил Гапченко.

— Угодно дослушать? — спросил Скулович.

— Просим, Иван Станиславович,—загадели гости.

* * *

— Было часов восемь вечера, когда поезд двинулся дальше. Все пассажиры отделения, не исключая паралитика, побывали на станции. Теперь в отделении прибавилось еще двое. Один примостился у выхода на площадку, другой рядом с паралитиком на продольной скамейке. Это был широкоплечий, добродушный и красивый парень, с ясными, смеющимися глазами. Кожаная куртка ему, должно быть, досталась по наследству, была заметно узка и вот-вот грозила лопнуть по

всем швам. Когда отворялась дверь из соседнего отделения, она неизбежно ударяла его по плечу. Парень только добродушно почесывался.

— Пересядьте, товарищ, сюда, пока вас не зашибли,—предложил, подвигаясь, пассажир с лицом Чичикова.

— Ничего, мы привыкли, — раскатиисто ответил богатырь, сканивая смеющиеся глаза в сторону паралитика. Он осмотрел несчастного инвалида с головы до ног и, повидимому, остался доволен результатом своей наблюдательности.

— Что, брат, ручка не действует?—дружелюбно спросил весельчак.

Жбанков заметил, как при слове «ручка» один из пассажиров быстро метнул глаза в сторону тормозного крана. «Второй раз!»—отметил себе Жбанков.

— Ты ее, друг, на ночь водкой с перцем натирай, как рукой снимет. Со мной было такое! — подмигивая, советовал инвалиду веселый парень.

Инвалид что-то буркнул себе под нос и отвернулся. Второй из вновь прибывших—сутулый, с короткими щетинистыми усами, молча курил, пуская дым в раскрытое окно, и исподлобья поглядывал на окружающих.

Толстяк с лошадиной челюстью закусывал, прикладываясь изредка к серебряному стаканчику. Он долго елозил на скамье, наконец не выдержал и, покашливая, заметил курильщику.

— Здесь отделение для некурящих, гражданин.

— Полагаю, и для непьющих также. Однако я не делаю вам замечания,—мрачно буркнул тот в щетинистые усы.

— Это дело особое... Мне-то все равно... Я вас жалею... увидит кондуктор—оштрафует...

— Заплатим...—Усач презрительно сплюнул.

Жбанков смотрел в окно и считал версты «351... 35 ... 353...»

То обстоятельство, что он не мог проверить в тексте телеграммы цифры—35,7 или 37,5—Жбанков решил обратиться в свою пользу.

Решение, нужно отдать справедливость, гениальное. На этом и был построен весь дальнейший план.

Блондинка в пенсне, с момента появления в вагоне веселого богатыря, буквально не сводила с него глаз. С ней творилось что-то необычайное. Она беспокойно вертелась на месте, невольно отвечала на вопросы инженера, который усиленно за ней ухаживал. Наконец, тому надоело такое невнимание, он надулся и сердито засопел носом.

Чичиков в уголке слегка похрапывал после сытного обеда.

Жбанковым постепенно овладевало сладкое первое волнение—волнение завязанного спортсмена. Он напрягал всю силу воли, выдерживая трудную роль. Малейшая оплошность перед решительным ударом могла опрокинуть весь план. Он еще неясно представлял себе, как все это произойдет, однако чутье прирожденного сыщика подсказывало успех задуманного маневра. В сущности, никем не было сказано ни одного руководящего слова, никто из пассажиров не обнаруживал подозрительного поведения. Не важно! Жбанков обладал интуитивной провидательностью. Он по двум трем беглым взглядам угадал автора шифрованной телеграммы и готов был голлову прозакладывать, что не ошибся.

— Еле ползем, елки-палки,—весело тараторил красавец в чужой кожанке. Должно—подъем берем. Счас в поезд пешком можно влезть за милую душу. И место самое сходное—выемка и лес. Для бандитов ежели такое место,—прямо лафа.

— Сколько верст отъехали?—справилась блондинка.

— Верст-то? А вот сейчас... на будке напечатано...

— Оно многонько уж... Триста пятьдесят и шесть... Седьмую пошли.

Блондинка достала из-под скамейки саквояжик желтой кожи. Осторожно придерживая рукой, поставила его перед собой на столик у раскрытого окна. Щелкнул запор. Веселый малый быстро переглянулся с паралитиком.

Потом встал, припер дверь спиной, растегнул куртку. Глуповатой улыбки как ни бывало, лицо стало серьезно, даже торжественно.

— Граждане, сидите спокойно,—негромко сказал он, извлекая наган.—

357-я верста. Сейчас я нажму тормоз и остановлю поезд. Спокойно! Вам ничего не грозит. Руки вверх!

— Руки вверх!—повторил мрачный усач у другой двери.—И ни звука, а то я буду стрелять!

Перепуганные пассажиры подняли руки. Блондинка медлила. Она подалась всем корпусом вперед и уставилась в лицо человека в кожаной куртке, точно стараясь пронизать его глазами насквозь.

— Вы не ошиблись, товарищ?—отчеканивая слова, выговорила она.

— В чем, гражданка?—он положил руку на тормозный кран.

— 3, 7, 5... так лучше...—Девушка потянулась рукой к саквояжу.

Паралитик ее предупредил. Он быстро вскочил с своего места и схватил блондинку за кисти рук.

— А по-нашему, так будет лучше, гражданка,—крикнул он.—Ваша комбинация не удалась. Соковин возьми-ка ее... Лисенко, смотри осторожно чемодан, да последи за гражданином инженером, хотя, я уверен, он тут постороннее лицо. Граждане, не волнуйтесь. Мы, трое, из железнодорожной охраны. Никто поезда останавливать не будет. На ближайшей станции мы снимем эту гражданку. Смест не трогаться. Из вагона до разрешения не выходить. На площадках—охрана. Лисенко, что там в саквояже?

— Ручные гранаты, товарищ Жбанков.

— Осторожно, друг. Граждане, не волнуйтесь, дальше поедете спокойно.

Блондинка, тяжело дыша и кусая губы, сидела на лавке. Рядом, держа ее за руки, поместился мрачный усач. Издали их можно было бы принять за нежно влюбленную пару. Вблизи этому впечатлению мешало свирепое выражение лиц.

Недавний паралитик стоял перед блондинкой в позе галантного кавалера и, вежливо дотрагиваясь до своей кепки, говорил:

— Извините, гражданка, если мы несколько не показавалерски обошлись с вами... Что делать? Долг службы и все прочее...

Жбанков в минуты удачи не мог отказать себе в удовольствии скопиро-



— Граждане, сидите спокойно! — Он выхватил ноган.

вать своего божка—Шерлока Холмса.

Поезд остановился у станции.

Скулович замолчал и обвел слушателей интригующим взглядом.

— Приехали. Станция. Вылезайка,—пробурчал Гапченко.

— А я ждал крушения поезда,—разочарованно протянул совсем пьяный Кумов...—Будет крушение, Иван Станиславович?

— На этот раз не будет.

— А как же блондинка? Что с ней случилось?—поинтересовался Залкинд.

— Блондинке в Т. Г. П. У. учили допрос. Она во всем созналась, нападение должно было произойти

на 375 версте. Ее обязанностью было создать в вагоне благовидную панику и пустить в действие тормоза. Поезд на станции задержали. Пустили вперед паровоз с охраной, которая зашла в тыл бандитам и, пользуясь наступившей темнотой, переловила всю шайку почти без выстрела. Нужно ли удивляться, что слава советского Шерлока Холмса, после этой блестящей операции, прогремела далеко за пределы нашей линии—закончил Скулович.

— Я говорил, блондинки—они ядовитая нация,—бормотал себе под нос Кумов.—Одним словом, шерше ла фамм...

Перуанские новеллы

ГАРСИИ КАЛЬДЕРОНА

Перевод с испанского М. ДИМИТРИЕВА

ЛУННАЯ БОГИНЯ

Инес де Сантиван, очаровательная жена владельца самой большой гатиенды в Киллатамбо, торопливо крикнула мужу:

— Идем со мной, Мигуэль, идем со мной! Чудная... удивительная статуя!

В сопровождении своих пеонов ¹⁾ пошел за нею Мигуэль по длинным подземным ходам. Тусклый свет фонарей падал то тут, то там на стены, покрытые плесенью годов. В первый раз были они в этом, принадлежавшем к их владениям, старом укреплении индейцев, которое, бог знает почему, пощадило время и люди. В отдаленной части подземелья, к сложенным без цемента, как во времена инков, плитам стены была прислонена наполовину упавшая массивная, серебряная статуя.

Индейцы - пеоны испуганно остановились и отказались идти дальше, когда взъерошенная сова с криком вынырнула из мрака. И к археологической драгоценности приблизились только Мигуэль

Сантиван, его жена и метис ¹⁾ управляющий.

Размерами не больше молодой индианки, улыбалась во мраке и одиночестве, растянув рот от одного безформенного уха до другого «Священная Мать Луны: охранительница древнего царства инков, супруга солнечного бога, множащая сладостные вечера и переполняющая бодростью сердца сторожевых собак».

— Взгляни-ка на ее глаза, Мигуэль! — сказала мужу восхищенная Инес.

Это были два вставленные в серебро глазных отверстий редкие по красоте прозрачные зеленые смарагды. В какой отдаленной эпохе пытались поклонники лунной богини создать этот символ тихой благодати и нежной грезы из девственного металла их гор и камня, который они называют «Koomer umina».

Индейцы без сомнения знали это по устному преданию, но они стояли молча, держа в руках свои широкополые шляпы и отворачивая глаза,



Во мраке и одиночестве улыбалась серебряная «Священная Мать Луны»...

¹⁾ Слуг-туземцев.

¹⁾ Смесь туземца с белым.

потому что не хорошо смотреть в лицо божеству. Наконец, старший из них приблизился к хозяину и заговорил покорным, умильным голосом, как нужно говорить в серьезные моменты, чтобы поработить волю белолицего:

— Таита, Мать Луна здесь оставаться. Всегда, всегда!

По его торжественному и многозначительному тону Мигуэль Сантиван заключил, что с тех времен, как одетые в железо испанцы покорили обезоруженный народ, никто не делал попыток извлечь лунную богиню из ее подземелья.

Да, и сегодня тоже не следовало нарушать покоя этого божества былых дней!

Но для феодала из наших гор, который верит только в силу своего револьвера и в догматы святой церкви, трудно считаться с суевериями этих дикарей, которые, злоупотребляя доверчивостью миссионеров, все еще приносят Солнцу и Луне

жертвы и молитвы, как делали это и тысячу лет тому назад. И владетель Киллатамбо резким голосом приказал своим людям немедленно взять чудесную находку и перенести ее в барский дом.

Чтобы дать такое приказание, белый человек должен очень плохо знать горы Перу и быть очень молодым. Индейцы не выказывали послушания. И только когда кнут повторил на их спинах приказание, решились они дать объяснение, что ламы не выдержат такой тяжести и что узкая извилистая тропинка, высеченная в скале и опускающаяся от крепости в долину, не шире, чем плечи среднего человека.

Долго совещался дон Мигуэль со своей женой у выхода из подземелья,



— Убирайся вон, надоедливое существо!

пока управляющий не нашел разрешения вопроса: носилки, на которых понесут статую точно так, как носят во время процессий святую деву. Он распорядится, чтобы сегодня же вечером сделали из стволов хлебного дерева эти носилки! Он мог одновременно попросить и священника выйти с крестом со святой водой. Лучше всего было бы устроить торжественную процессию с девицей Марией и всем ритуалом больших праздников.

Он сделал последнее предложение очень серьезно, под влиянием того страха, который в моей стране так часто испытывают перед изображениями божества. Еще со времен конкистадоров проповедуют миссионеры,

что эти статуи сверженных богов являются орудиями дьявола.

Даже сами индейцы приняли этот план с мрачной радостью. Их примитивный мозг уже целые столетия смешивал Мадонну с Матерью Луной и никто не мог бы сказать, которое из этих изображений женщин возьмет перевес в их боязливой детской вере. Кроме того, процессия означала для них три дня бездельничанья, танцев и восхитительного опьянения празднеств.

На следующее утро принесли на верх носилки и одновременно вынесли из церкви к подножью горы деву Марию. Чтобы обратить в бегство силы ада, все тело серебряной статуи было обито святой водой, и так как статуя была раздета, то богобоязненная индианка сшила ей из старого понхо¹⁾ красную юбочку. Но три дня превратились в пять, и никогда даже при самых знаменитых похоронах не танцевала и не пила так много вся долина. Индейцы, казалось, не думали больше про священное изображение своей лунной богини. И все же, — они это знали, — она была покровительницей долины и всей перуанской земли, стирала страшные пятна злой болезни, заставляла пышную шерсть расти на спинах лам, стояла у ложа родильниц и умирала ледяной, бурный ветер, когда он хотел потушить звезды своими гигантскими совиными крыльями.

Не истекло и недели, как пришлось принести в больницу при поместье десять индейцев, носильщиков серебряной статуи. Странная болезнь!

1) Плащ туземцев.

Они проводили часы за часами в меланхолических мечтаниях, неподвижные, улыбающиеся, точно принявшие камико, волшебный напиток. Для их хозяина не было сомнений в том, что болезнь его индейцев притворна и что лучше всего ее изгнать в массу. Но все же он из осторожности предписывал им дозы хинина, которых было бы достаточно, чтобы победить любую лихорадку. Но индейцы продолжали, несмотря на это, дрожать всем телом и скоро позвали священника, так как, повидимому, приближался конец.

Вечером пришла закутанная в сиреневый понхо древняя старуха-индианка, когда-то служившая у умершей матери донна Мигуэля, и попросила, чтобы ее допустили поговорить с сенорой Инес.

— Гуай! Маленькая, белая голубка! Ты приказывать, они уносить. Тогда все здорово, — всхлипывала она на ломаном испанском языке.

Она уставилась неподвижным взглядом на молодую госпожу, потом опустилась на колени, чтобы поделовать рубец ее платья.

— Убирайся вон, надоедливое существо! — раздался в это время рассерженный голос донна Мигуэля, услышавшего ее причитания. — Инес, я, ведь, очень просил тебя держаться подальше и не принимать этих людей.

Несколько секунд спустя, он слегка побледнел и спросил, удивленно раскрыв глаза:

— Кто же порвал тебе платье? Нет сомнения, что это какое-нибудь колдовство старухи.

Около полуночи, когда самый мир-



Усыпленная женщина лежала, держа в руках два чудесных смарагда. Она была ослеплена...

ный месяц стоял над старой крепостью, тишину ночи прорезал нечеловеческий крик. В то же время раздался голос, в котором звучал ужас: — Сейчас же привести доктора! Галлопом!

Мигуэль Сантиван нашел жену, лежащей в кровати без чувств. Она была усыплена каким-то сильным наркотическим средством и лежала в свете полной луны, свободно лившейся в широко раскрытые окна. В руках она держала два чудесных сма-

рагда. Когда ее, наконец, удалось привести в чувство, оказалось, что она слепа.

Стала ли она жертвой недоброй, вредоносной ночной росы?

Странно только, что в ту же ночь исчезла серебряная статуя! Втихомолку шептали, что индейцы, издеваясь над жадностью белолицых, оставили им оба великолепных смарагда их лунной богини, — ей же, скрытой в новой пещере в Андах, вставили два живых глаза.

ШАГИ МЕРТВЫХ

Его нежно любимая жена умерла так внезапно, что Гонзало Авендано был мучительно потрясен и удивленно поднял голову, когда его индейцы начали свое жалобное пение. Разве они не помешают сну молодой госпожи? Грустно, почтительно указал старик с трясущейся головой, — считавшийся со времени деда дон Гонзалоса колдуном гациенды, — на ламу, которую нахлестывали кнутом. Индей-

цы били животное, чтобы оно унесло на покрытые снегом высоты Андов, привязанные к спине сиреневым шнуром платья покойной. Только так освободится она от грехов, только так избегнут оставшиеся в живых злой болезни глаз.

Точно просыпаясь от сна, рассерженно приказал дон Гонзало вернуть людей с животным. Было слишком поздно. Красивая лама уже карабка-



Труп лежал на возвышении, в монашеском одеянии 3-й степени. Индианки ставили маисовые лепешки, плоды и кувшины с вином для будущей жизни покойной.

лась по крутой гор-
ной тропе. Тогда
сеньор Авен-
дано прогнал
хлыстом



— Чтобы ты увидел, вер-
нулась ли маленькая
госпожа! — пробор-
мотала одна из
женщин, го-

На пепле были видны отчетливые следы.
Старый колдун хотел скрыть улыбку, на-
водящую страх...

своих слуг и остался один с покой-
ницей, лицо которой принимало все
большую восковую прозрачность.

Несколько часов спустя, пришли
плакальщицы гацпенды, чтобы, по
обычаю сгранны, надеть на Инес мо-
нашеское одеяние третьей степени.
Потом они положили труп на возвы-
шение в большой гостиной, покры-
ли его сверкающими, белоснежными
туберозами, но поставили рядом с ней
маисовые лепешки, сочные плоды и
полные маисового вина кувшины,
чтобы умершая могла бы подкре-
питься, проснувшись в другой жизни.
Дон Гонзало не имел больше сил про-
тивиться этому варварскому суеверию.

Кто знает? Может быть, Инес бы-
ла бы спасена, если бы он воспользо-
вался травами и питьем, которые
предложил ему старик в последнюю
минуту.

С раздражающей медленностью за-
канчивали индианки свои похоронные
обряды. Опрысканный сначала водкой
из сахарного тростника паркет посы-
пали они теперь тонкой маисовой му-
кой, а сверху тонким слоем пепла.

ворившая немного по-испански, и
указала на пол.

Сомнения проснулись в сердце дона
Гонзалоса. Так это, может быть,
правда, что души возвращаются? Все
индейцы уверяют, что это так, и ста-
рики, самые старые люди, рассказы-
вали бесчисленные истории про от-
четливые отпечатки шагов в пепле у
ложа смерти. И почему бы нет?.. Он
помог индианкам закончить их стран-
ные обряды, сам запер окна и двери.
Потом, по огромному корридору ста-
рого барского дома времен испанской
колонизации прошел в свой кабинет,
где хотел провести ночь. Его индей-
цы уверяли, что души умерших ничем
не должны быть потревожены во
время своего возвращения.

Ужасная ночь—слезы и вздохи! Про-
летающие совы или шуршание крыльев
кондоров на мгновение вызвали фан-
тастические галлюцинации. К 5 часам
утра он уже не мог больше выносить
этой муки. Он осторожно пробрался в
гостиную, остановился на пороге.

— Боже мой!.. — стон вырвался из
его груди. На пепле были видны от-

четливые следы. Но это не были отпечатки человеческих ног и не звездобразный след птичьей лапы. Вернее уже—следы ламы.

Ледяная дрожь пробежала по спине дон Гонзалоса. Он диким движением дернул звонок, чтобы позвать слуг. Они торопливо сбегались, пьяные от сна, дрожащие от холода, кутаясь в длинные понхо. Но никто из них ничего не слышал. Нет сомнения, старый колдун и провидец хотел скрыть улыбку, низко склоняясь над следами. Это была та наводящая страх, коварная улыбка, которую высекали на своих священных изображениях удивительные художники царства инков. Еще стоя на коленях, он поднял на господина пустой взгляд и поклонялся, что никто тут на земле не может сказать с достоверностью, как скитаются души. Большею частью, они оставляют совсем легкие следы, как птицы. Но кто может это сказать? Кто может знать?

Взгляд дон Гонзало Авендано скользил по мрачным, загадочным лицам индейцев. Он был уже во власти суеверий и ему пришла в голову мысль. Он спокойным голосом приказал продолжать стрижку овец: похороны состоятся только на следующий день. А когда наступила ночь, он спрятался в длинном коридоре за фигурой рыцаря в доспехах.

Руки его дрожали. Смутная надежда медленно поднималась в нем, как поднимался на небе кровавый месяц, окрашивавший белый пепел в красный цвет. Он прождал два часа, прождал еще три часа, дрожа как в лихорадке и придерживая руками челюсти, чтобы не было слышно, как стучали его зубы. Какое неслыханное утешение, какую никогда не изведенную нежность принесет ему душа его Инес!

Ровно в 5 часов, увидел он, как нечто показалось в коридоре. Приблизилась лама, остановилась, простояла неподвижно секунды и потом быстро направилась к открытой двери гостиной.

— Инес! — прохрипел дон Гонзало в безграничной тоске. Животное отскочило назад, промчалось вдоль по коридору и хотело перепрыгнуть



через перила в сад. Авендано инстинктивно выхватил револьвер и огонь выстрела блеснул пять раз.

Последний луч бледного месяца освещал групп фантастического животного, к которому подошел бледный, как мертвец, Гонзало. Под шкурой, с лицом в пустой голове ламы, все еще судорожно схватив руками ноги животного, лежал молодой владелец соседней гациенды, Мигуэль Флорес, прославленный местный Дон-Жуан.

Не предаваясь отчаянию,—добрый сын Сьеры!—с усилием протолкнул сенор Гонзало Авендано труп к катафалку умершей. Потом принес одну из больших четырехугольных жестянок с керосином, облил им все — и монашеское одеяние третьей степени, и пепел на паркете, вылил из сосудов мансовое вино и наполнил их керосином.

И индейцы, из которых ни один не спал в эту ночь, увидели с соседней горы, где перуанская флейта звучала мелодией неутешной тоски,—объятые ужасом увидели, как сгорел дом, в который вернулись души.

Мексиканский Тобин-Туд

Рассказ ТОМА ДЖИЛИЯ

Иллюстрации Л. Ф. ВИЛЬФОРДА

Перевод Н. МОХНАЧЕВА.

— Охотитесь, черномазые черти, охотитесь? Желаю вам удачи!

Человек остановил свою изнуренную лошадь в расщелине скалы и оглянулся назад. Внизу, под скалой, несла свои воды Рио-Гранде. Спокойная и внушительная, она извивалась мутной дорогой, точно понимая, что тут по крайней мере она должна поддерживать достоинство, приличествующее международной границе ¹⁾.

До всадника, скрывшегося в ущелье, донеслись неясные крики. Отряд наездников в сомбреро промчался внизу к берегу реки и остановился. Отдельные верховые засновали вверх и вниз по течению и снова присоединились к отряду.

— Точногончие, потерявшие след,— усмехнулся всадник среди скал. Казалось, он устал наблюдать за двигавшимся в отдалении отрядом. Он перевел взгляд на извивавшуюся к северу дорогу и закрыл от солнца рукой глаза. К реке рысью ехал по дороге новый отряд, во главе которого развевался значек.

— Кавалерия Соединенных Штатов. Великолепно, великолепно!— мужчина встал в стремях и низко раскланялся, сняв широкополую шляпу.— Меня сторожит полиция двух больших государств. Это слишком большая честь!

Он опустил на седло.

— Ах, вы, смешные насекомые!

Оба отряда внизу встретились, держали короткий совет, потом разъединились. Американцы направились к западу, мексиканцы—к востоку.

¹⁾ Примеч. перев. Рио-Гранде является естественной границей между Мексикой и С. А. Соединенными Штатами.

Они скоро исчезли из виду, пыль за ними улеглась и волны палящего зноя снова без помехи заколебались над неподвижным ликом пустыни.

Всадник в расщелине скалы как будто разрешил какой-то затруднительный вопрос. Он помахал к северу рукой в перчатке.

— Родина моя,—обратился он с насмешливой торжественностью к безмолвной пустыне,—мне приходится проститься с тобой на некоторое время. Ты слишком нетерпима к слабостям человеческой плоти.

Он обернулся к опаленной зноем границе Мексики. Миля за милей раскидывалась песочная пустыня, пока не терялась на горизонте. Блеск ее ослеплял глаза. Всадник смочил языком распухшие губы.

Это все же лучше, чем цепкая рука закона!—Он мудро ударил усталую лошадь.

Солнце, близкое теперь к зениту, направило всю свою космическую артиллерию против незащищенной фигуры всадника. Только ящерицам, казалось, приятен был этот ослепительный, безжалостный блеск. То тут, то там, на пыльной поверхности земли напрасно старались маленькие островки зелени заявить о том, что пришла весна.

Всадник ехал дальше. В песчаной безнадежности вдруг показалось озеро, окруженное пальмами. Оно чаровало путника, звало к своим берегам и потом исчезло.

Человек рассмеялся:

— Покажи мне мираж полного народа кабака. Вот это будет дело!

Пустыня дремала под полуденным солнцем. Поглощаемый извечной

огромностью мира, всадник казался незначительным, как муравей на дорожке. Он держался высохшего русла и потирал рукой лоб, точно припоминал забытый урок.

— Высохшее русло, потом буйвовое пастбище, речка, и за ней деревня. Нет, не так. Речка-то будет, но где это он говорил, эта проклятая деревня?

Всадник вынул из кармана листок бумаги и карандаш, написал несколько слов и положил записку под камнями на скале.

— Для вашего сведения, дон Торрито,—сказал он и постоял мгновение в нерешительности. Потом пожал плечами.—Все ваши святые не спасут вас, дон Торрито, если вы обманули меня.

Он продолжал путь. По берегам пересохшего русла стали появляться деревья и, час спустя, пустыня неохотно перешла в лесистую местность.

Солнце уже спустилось низко, когда звуки быстрой воды ободрили усталую лошадь. Вспухшая, темная от весенних горных потоков, река сердито мчалась между ограничивающими ее берегами. У воды человек сошел на землю.

— Как будто и невозможно заставить тебя переплыть эту реку, но... он вдруг оборвал свое обращение к лошади и два револьвера, висевшие у него сбоку, точно сами прыгнули ему в руки. С противоположного берега раздался крик ужаса. На воде что-то двигалось. Над желтыми водами реки поднялась стройная рука и снова исчезла. Человек напряженно смотрел и увидел, как вынырнула и скрылась в быстром течении голова с иссиня-черными волосами. Река попрежнему мчалась и крутилась.

Всадник вскочил на лошадь. Острые шпоры заставили животное броситься в воду, подняв брызги грязной пены. Лошадь ржала под напором течения, сносившего ее вниз. Снова, на этот раз ближе, показалась над водой голова. Шпоры впились в бока лошади. В третий раз появилась мокрая голова у самого плеча лошади. Всадник наклонился и вцепился пальцами в плывущие пряди волос. Поводья

свободно упали на шею лошади, когда всадник поднял и положил поперек седла безжизненное тело. Минуту спустя лошадь выкарабкалась на противоположный берег и встала, вся мокрая и трепещущая.

На коленях мужчины лежало голой вниз стройное, обнаженное тело. Черные волосы спадали ниже стремени. Всадник заинтересованно перевернул на руках тело и откинул черные пряди с бледного, юного лица.

Глаза его остановились на двух округлостях груди, едва заметно поднимавшихся и опускавшихся, и он тихонько свистнул.

— Свят, свят,—пробормотал он.—Девушка!

Соскользнув с седла, он положил ее на траву. Девушка чихнула, потом открыла глаза и удивленно огляделась.

— Где я?—тихим, едва внятным голосом, спросила она по-испански.

Человек улыбнулся.

— Это неперемный вопрос при таких обстоятельствах, будь то в Америке или Шанхае,—и прибавил по-испански: вы—в безопасности, на берегу реки где-то в северной Мексике.

Минуту глаза девушки были пылко устремлены на загорелое лицо мужчины, потом она опустила глаза и вдруг увидела свою наготу. Мужчине показалось, что она сразу свернулась в смешной коричневый клубок и вся закуталась в длинные черные волосы.

— Бог мой,—жалобно воскликнула девушка,—мое платье!

— Вот именно, я не решался упоминать об этом,—он рассмеялся, но, увидав, что у нее дрожат губы, торопливо спросил:—где же ваше платье, сенорита?

Продолжая обнимать руками колени, она показала пальцем вверх по реке. Мужчина наклонился и, несмотря на то, что девушка отчаянно отбивалась, посадил ее минуту спустя возле двух белых частей одежды и ярко-красной ленты из волос. Потом улыбнулся и, отойдя в сторону, сел спиной к ней на землю.

Он рассеянно теребил редкую траву и за спиной его шуршала платьем,

дарна.—Она замолчала, чихнула два раза и сказала по-английски.—Проклятие!

Мужчина откровенно рассмеялся.



Он рассеянно тербил редкую траву и за спиной

торопливо одеваясь, девушка. Минуту спустя, она крикнула «можно», и он обернулся и увидел, как она заплетала густую косу. Девушка улыбнулась ему глазами и губами. Улыбаясь ей в ответ, он спросил:

— Вы совсем оправились, сенорита?

— Да, но если бы не вы, я была бы там...—Она вздрогнула и кивнула на мрачную воду.—Я вам очень благо-

— Вы говорите по-английски?

— Всего только два-три слова я знаю: «проклятие» и «виски», и еще несколько слов.

— Попросту говоря, самую необходимую часть нашего словаря?

Девушка была занята лентой и продолжала говорить:

— Я Бонита Вальдез. Я живу там вон, с матерью, она очень злая.—Она

слегка кивнула головой к югу. — Отец умер или ушел от нас куда-то. Он был очень не хороший. Говорят, что он был разбойником, как Эль-Койот, только не таким могущественным и смелым.



его шуршала платьем, торопливо одеваясь, девушка.

— Эль-Койот? — спросил он.

— Да, он вне закона и скрывается где-то на границе. Вы же, наверно, слышали про него. У него целая шайка и никто не может его поймать, такой он ловкий. Ночью он в одном месте, а на заре совсем в другом. Он носит черную маску и ездит верхом на большой черной лошади и стреляет... ах, замечательно стре-

лет! — Она восторженно замолчала.

— Как интересно, — пробормотал человек.

— Я купалась, когда приехал сенор, потом течением меня унесло, и я проснулась, когда сенор стоял возле меня, а я была раздета. Это было очень плохо и мне стыдно.

Она надула красные губки, потом улыбнулась ему.

Она казалась ему очень желанной в эту минуту. Она улыбалась с самоуверенностью жизнерадостной юности.

Очень желанной... Человек смотрел на нее с откровенным восторгом, как коллекционер, отыскавший в пыльной лавченке драгоценную вазу. Ему она казалась прекраснее вазы. Потом он покачал головой. Жизнь в порыве вдохновения создала это стройное тело и вдохнула в него пламя юности и способность любить. Но к чему все это? Чтобы со временем выйти замуж за грязного мексиканского крестьянина, наполнить мир такими же грязными мексиканцами и стать потом старой и безобразной...

Лошадь подняла голову и покосилась

на разговаривавших. Девушка захлопала в ладоши:

— Ах, какая лошадь! И седло оправлено в серебро. Сколько оно должно было стоить!

Человек покачал головой.

— Оно стоило очень дешево. Нужно было всего несколько убедительных слов. Я приобрел эту лошадь сегодня на рассвете.

— Все-таки, — продолжала она, — вы должны быть очень богаты. Мой Педро говорит, что когда он будет богат, он подарит мне седло из серебра и золота. Это будет мое собственное седло. Но Педро очень бедный, он пасет овец донна Томаса Торрито, а по вечерам он приходит к нашей двери, играет на мандолине и поет.

— Я понимаю, — улыбнулся мужчина, вспоминая про незамысловатую любовь наивных, как дети, жителей пограничной полосы.

Она не поняла значения его слов.

— Педро говорит, — продолжала она, — что когда у него будет достаточно денег, чтобы купить свинью и двух овец, он попросит падре повенчать нас. Но это глупая болтовня, потому что я не люблю Педро.

Улыбка на губах человека исчезла. Он вопросительно взглянул на девушку и сказал:

— Простите меня, сенорита, я вас не понял.

Мужчина извинялся за свое ошибочное суждение, но внимание девушки было уже обращено на большой шрам, пересекавший его правую щеку.

— Какой смешной порез!

Он невольно провел рукой по щеке, потом отрывисто сказал:

— Да, очень забавный. Но где же эта деревня, в которой вы живете, сенорита? Вы говорили про донна Томаса Торрито, который живет там. Он толстый, смешной и важный человек?

— Да, он живет за деревней, в большой гадиенде. Моя мать говорит, что он вызывает дьяволов и знает заговоры.

— Ваша почтенная мать без сомнения права. Но мне может быть понадобится попросить у него заговора.

Она широко раскрыла глаза, но он ничего не пояснил ей.

Спускался сумрак. Вспухшая река мрачно торопилась вперед. Зачарованные наступающей ночью, мужчина и девушка сидели молча. Потом девушка вскочила.

— Уже поздно! — Она торопливо перевязала черные волосы красной

лентой. — Прощаться ли мне с большим сенором или мы еще встретимся?

Он медленно ответил, не отрывая глаз от лиловых далей пустыни:

— Мы еще встретимся.

Она убежала, махая ему на прощание.

Он провел рукой по глазам.

— Она — юность, — сказал он себе, — а юность сама себе оправдание, каков бы ни был конец. Она — юность, весна мира, мимолетное мгновение любви...

Он усмехнулся:

— Да, нет сомнения, что мы еще увидимся.

Жизнь донна Боба, как его стали звать местные обитатели, была не лишена приятности в этой мексиканской деревне. Можно быть уверенным, что он снова и снова увидал Бониту. Потом длинные тихие дни, наступление весны и сознание безопасности и спокойствия тоже пришлись ему по вкусу. Он иронически посмеивался над собой, но ленивая, бездеятельная жизнь начинала все больше и больше очаровывать его.

Могущество этого очарования много зависело и от присутствия Бониты. Она откровенно полюбила его, как полюбила бы большую добрую собаку. Жизнь еще не нашла этого ребенка, и грезы ее не были омрачены опытом и горестями.

Но отношения Педро к большому белолицему человеку были гораздо сложнее. Правда, он обязан был этому человеку спасением жизни его Бониты. Правда, и ему, как и девушке, так интересно было сидеть и слушать рассказы этого человека про далекие страны и удивительные приключения, хотя Педро и понимал отлично, что он просто хочет удивить их, когда говорит про летающие машины, и поезда, бегущие под реками, и про дома в десять раз выше, чем высокое дерево. Несмотря на все очарование, исходившее от удивительного незнакомца, юноше не раз хотелось, чтобы дон Боб уехал из их мест.

Но Педро был покорен, когда дон Боб взял из рук мальчика мандолину

и научил его простой гармонии струн. На глазах мексиканца выступили слезы, когда он нерешительно стал подражать движениям пальцев дона Боба и увидел, что сам может вызывать те же упитительно нежные звуки. Бонита захлопала в ладоши.

— Видишь, Педро, — воскликнула она восторженно, — я, ведь, говорила тебе, что дон Боб все знает.

Когда дон Боб ушел, Педро спросил Бониту:

— Долго ли здесь останется дон Боб?

— Кто это знает! — Бонита пожала плечами. — Я надеюсь, что долго, он такой хороший.

Бонита потрепала мальчика по щеке.

— Ты опять сердисься? Но я же тебе в сотый раз говорю, что не люблю его.

Педро поднес к губам ласкающую руку.

— Я не мог бы жить без тебя, Бонита. Скажи, что ты меня любишь.

— Но я не люблю ни одного из вас.

Она наклонилась, поцеловала его и побежала к своей хижине.

В ночь, когда дон Боб приехал в деревню, он отыскал дону Торрито и остался жить в его гадиенде. После этого Торрито отправлялся верхом в пустыню и никому не рассказывал о своих путешествиях. Бонита так и не узнала, получил ли дон Боб от него нужный ему разговор.

На вторую неделю своего пребывания дон Боб был представлен деревенскому священнику.

Когда они остались вдвоем, первым заговорил дон Боб.

— Иногда оправдывается обычная поговорка, что мир мал.

— Я часто думал о вас, сын мой, — сказал священник. — Я и боялся, и надеялся, что мы встретимся.

— Эль-Койот безопасен теперь, отец мой. — Дон Боб положил руку на плечо священника. — Мне как-то пришлось оказать вам незначительную услугу и поэтому я не хочу скрывать от вас, что разбойник пограничной области стал теперь покинутым всеми беглецом. Плохой политикой было захватывать в плен брата американского сенатора. В погоню были высланы из Эль-Пазо войска. — Дон Боб засмеялся. — Но если бы вы ви-

дели этого брата сенатора! Как по-зеленело его жирное лицо, когда он узнал, что он в руках у Эль-Койота!

— Но зачем же вы захватили его, сын мой?

— Он оскорбил жену одного из моих людей. Видите ли, он белый человек и брат сенатора, она же просто красивая мексиканка. Но мы не причинили ему никакого вреда. Мне уплатили за него две тысячи пезос и я отпустил его, скрепя сердце. Фу, что это было за отвратительное пресмыкающееся. — Дон Боб плюнул, потом лицо его повеселело. После этого солдаты и мексиканская полиция стали очень деятельны. Весь мой отряд, вероятно, рассели и, если бы не слово предупреждения и не быстрая лошадь, я изнывал бы теперь в тюрьме. Кроме вас никто не знает и не будет знать, что Эль-Койот здесь.

— А дон Торрито?

— Он только подозревает. Сним мне, быть может, придется иметь дело. Так вот, отец мой, когти Эль-Койота обрезаны и сам он очень устал от всего этого. На время с прежним покончено.

— А если покончено навсегда..?

— Ну, что же, имя мое будет тогда жить в пограничном краю.

— Но, ведь, люди будут вспоминать про Эль-Койота, как про разбойника, предводителя шайки, даже как про убийцу женщин.

Лицо человека залилось густой краской.

— Последнее будет ложью, — он делал усилие, чтобы овладеть собой.

Священник улыбнулся.

— Может быть. Я только знаю, что вы спасли мне однажды жизнь, рискуя собой. И за три дня, что мы провели вместе, я многому научился. Я узнал, что вы росли юношей, которого не удовлетворяла жизнь. Я узнал, что за вашей позой и дикими словами скрывалось сердце, тосковавшее по прекрасному.

— Я думал последнее время о семейной жизни, отец мой. Полагаю, что мать Бониты не будет в этом вопросе адамантом.

— Вы говорите о семейной жизни, — покачал головой старик, — но сладострастие имеет много имен.

— Это не сладострастие... не вполне. Может быть, я научу ее, что такое любовь.

— Брак! Несколько торопливо про-



Она убежала, махая ему на прощание...

изнесенных латинских слов и звонок колокольчика,— задумчиво продолжал священник.— А если это все удержит ее возле вас, то не прикажет ли ей когда-нибудь сердце уйти?

Медленно и задумчиво пошел дон Боб по пыльной дороге. Он направился к хижине, где жила Бонита.

Сидя у матери Бониты, тот, кого одни звали дон Боб, а другие—Эль-Койот, дружески слушал болтовню женщины.

— Тут, конечно, будет вопрос и о пезос,— говорила сенора Вальдез.— Бонита молода и очень красива. Бонита очень похожа на меня какой я была немного лет тому назад.

— Тут, уж, конечно, приходится верить вам на слово.

Она раздраженно повысила голос.

— Разве я так отвратительна, дон Боб?

— Что вы! Про вас можно сказать, что вы... вполне развились. В вас исполнились обещания юности.

Мать девушки снова подхватила золотую нить разговора.

— А как же на счет пезос? Ах, да, пезос. Мы и здесь вполне культурные люди, не правда ли, сенора Вальдез? Я думаю, что во многих нарядных гостиных такие же вдовы, как вы, имеющие красивых дочерей, так же точно говорят о пезос, назначая цену за молодость.

— Как странно вы разговариваете, дон Боб!

— Я согласен с вами, что мы уклонились от сути разговора, А, ведь, мы говорили о покупке Бониты. Я, конечно, мог бы перекинуть ее через седло и увезти ее отсюда. Но я не стану этого делать. Вы получите этот мешочек с деньгами, сенора, а в день свадьбы еще такой же мешочек.

Коричневая рука впиалась в деньги.

— Хорошо,— пробормотала сенора Вальдез,— а когда же свадьба?

Мужчина встал.

— Дни меня не молодят. Скажем,— в течение недели.

Веселый и бодрый ехал он через деревню к дону Торрито, к человеку, продавшему, по словам Бониты, душу дьяволу.

Но дьявол, вероятно, заплатил ему очень щедро, потому что дон Торрито мог жить в большой гадиенде и держать двух слуг. И, может быть, его сатанинское величество знало, за чем ездил дон Торрито по ночам в пустыню.

Когда дон Боб подъехал к дому дона Торрито, тот с помощью вспотевшего слуги влезал на лошадь. Короткая ножка мексиканца долго и напрасно тянулась к стремяни. Наконец, он сделал последнюю отчаянную по-

пытку и поймал ногою стремя. Дон Торрито одновременно вздохнул с облегчением и выругал слугу.

— Ах, дон Боб, — воскликнул он жирным голосом. — С годами теряешь ловкость. Я еду на разведки. Дела плохи. Мне сообщили, что пойманы трое

из шайки. Говорят даже, что опознан их предводитель Эль-Койот.

— А если так?

— О, если так... то это очень плохо. За его голову уплатят тысячу пезос, и где же он будет в безопасности?

— Птицы здесь плохо кормленные, — задумчиво произнес дон Боб, но зачем же давать им жиреть на таком нежном мясе, как ваше? Чего стоит жизнь человека, который ищет денег за кровь Эль-Койота? У него есть друзья...

— У него есть друзья, но это было вчера. Сегодня его единственный друг, может быть, я. Но мы шутим. Я вернусь до утра. А пока...

— А пока вы можете мне привести мешек-другой с деньгами. Я отдал последний сеноре Вальдез. Для свадьбы нужен еще один мешок.

Глаза Торрито стали совсем круглые.



— Она — юность, сказал он себе, — а юность сама себе оправдание...

— Сумасшедший, сумасшедший! Вы и за треть купили бы эту мексиканскую девченку. Да и к чему свадьба?

— Может быть потому, что мне так хочется, может быть, просто, потому, что сейчас весна.

— Весна! — Торрито засмеялся. Это я еще могу понять, — но женитьба больше напоминает зиму. Ну, я еду. Так что же мне сказать Эль-Койоту, если я его встречу?

— Скажите ему, чтобы он ничего не боялся. Тот, кто захочет получить деньги за его голову, должен знать, что его ждет...

Многозначительный разговор окончился.

Торрито дал шпоры лошади.

— В эту ночь, в дальнем конце деревни, разыгралась одна из незаметных житейских трагедий.

— Два мешка с золотом, дура,— кричала старуха,— столько золота за твое грязное черное тело.

— Он такой старый,—ныла Бонита.

— Старый! Ему едва ли тридцать лет, он красивый и сильный.

— Он меня поцеловал,—девушка сделала гримасу.—Мне гораздо больше нравится, когда меня целует Педро.

— Так ты можешь получить и Педро.

— Дон Боб говорит, что нет.

— Дурочка, ты скоро поумнеешь. Мужья слепы, Бонита, и часто уезжают. Глаза девушки заблестели.

— Мне это кажется очень смешно, но если ты хочешь, я выйду за него замуж... но ненадолго.

Уверенная в победе, мать погладила дочь по черным волосам.

— Ты выйдешь замуж через два дня. И ты не пожалеешь, не очень пожалеешь.

Она отошла к печи и стала готовить ужин.

Дон Боб встал на рассвете и выехал за деревню. Он останавливался, чтобы последить за пчелами, собирающими с цветков мед, слезал, чтобы понюхать росший у дороги жасмин. И радовался всему, как ребенок. На повороте дороги из кустов вдруг вынырнул юноша—мексиканец и поднял руку.

Всадник остановился, оглянулся направо и налево и спросил:

— Ну, в чем дело?

— Бонита и вы,—просто ответил Педро.

Дон Боб соскочил с лошади. Он был гораздо выше юноши и с любопытством заглянул в его смелые глаза. Потом улыбнулся.

— Что же дальше?

— Я люблю Бониту,—все так же просто сказал юноша.

— Так почему же, к черту, вы не женитесь на ней?

— У меня нет мешков с золотом, сепор.

Дон Боб рассмеялся.

— Хорошо сказано, друг мой! Пусть это положит начало,—он вынул монету и бросил ее юноше.

Монета упала на землю.

— Сенор,—Педро говорил торопливо, точно боясь, что голос изменит ему,—счастья не может быть без любви. Мне так говорил падре. Откажитесь от Бониты, разве вы можете купить ее душу? Я люблю ее уже много лет, сенор, и душа ее принадлежит мне.

— Вы читали слишком много романов, Педро. Люди постарше вас и меня говорят с достоверностью, что женщины не отягощены таким грузом, как душа. Кроме того, я заплатил деньги только за ее тело. Вам же посоветую заняться другими девушками. Со мной, по крайней мере, они никогда не упрямилась.

Дон Боб сел верхом, а юноша крикнул ему вслед.

— Один из нас все равно умрет!

Два дня спустя священник беспрекословно произнес слова, которые, по мнению людей, соединяют мужчину и женщину воедино.

Бонита спокойно стояла рядом с мужчиной. Потом она поцеловала его как ребенок, и повела за руку к домику, который он купил.

Она быстро и радостно разбирала немногие принадлежавшие ей вещи. Он смотрел на нее и горло его сжималось оттого, что сегодня воплощались в действительность его надежды. Они заживут новой жизнью и строить ее начнут сегодня же.

Вечером они весело купались в реке и в сумерках сидели у дверей дома. Он обнял ее, но она выскользнула из его рук. Тогда он поймал ее и, притянув к себе, поцеловал в шею и в голову. Но глаза ее засверкали и мелкие зубы впились в его руку.

— Я этого не люблю, сенор Боб.

Он опустил руки и сказал:

— Так я не буду этого делать.

Он молча курил, пока девушка локкими движениями плела корзину.

— Бонита, откуда появляются на свет дети?

— Падре приносит их,—пальчики продолжали усердно плести.

— Сколько тебе лет?

— Шестнадцать.

Стемнело. Маленькие пальчики выпустили неоконченную корзину. Глаза



— Птицы здесь плохо кормленые, но зачем же давать им жиреть на таком нежном мясе, как ваше? — сказал дон Боб.

Бониты были закрыты. Он взял ее на руки, отнес в комнату и положил на кровать. Она сонно открыла глаза, улыбнулась ему и снова заснула.

Как бегущий сам от себя человек, зашагал дон Боб к гацienде Торрито.

— Надеюсь, что у этого свиньи есть виски,—бормотал он.

Час спустя из дверей гацienды вышла, пошатываясь, странная фигура. Щеки человека были в крас-

ных пятнах, глаза бессмысленно уставились на луну, заливавшую светом долину и пустыню за ней. Дон Боб раскланивался со своей тенью и напевал пьяным фальцетом.

Но когда дон Боб проснулся на расвете возле гацienды, ничто уже не напоминало ему о слишком большой порции выпитого ночью виски. Он окунул голову в стоявшую возле дома бочку с водой, взял одну из ло-

шадей Торрито и уехал. После часовой прогулки он почувствовал сильный голод и вернулся назад.

Возле гацienды он увидел Торрито.

— Вы рано выезжаете,—приветствовал его мексиканец,—а новости плохие, плохие. Две ночи тому назад солдаты нашли главную пещеру, конечно, забрали все.

Глаза дон-Боба сузились.

— Как же они нашли пещеру?

— Какие вы задаете вопросы! Разве я вам не говорил, что поймали троих из шайки. Но кроме того в Ларедо ходят слухи, что Эль-Койот все еще в этих местах. И говорят, что Эль-Койот не мексиканец, а американец.

Дон Боб задумался, потом сказал:

— Пошлите к Боните мальчика. Пусть он ей скажет, что я вернусь только вечером. Ваши новости задали мне работы.

Для Бониты день прошел в труде, а вечером явился Педро. Юноша так странно смотрел на нее, что Бонита рассмеялась и спросила:

— Ты думал, что меня съели?

— Где он?—спросил Педро, мрачно опустив глаза.

— Дон Боб? Кто знает! Он ушел вчера вечером.

— Я видел. Это хорошо, что он ушел. Ах, Бонита, если бы он только тронул тебя!—В глазах юноши блестящие горячие слезы.

Она увидела отчаяние на его лице и порывисто обняла его руками за шею. Он привлек ее к себе и прижался губами к ее губам. Потом она отшатнулась, сжала на груди руки, точно пытаясь удержать бьющееся сердце, кивнула юноше и убежала в дом.

Ее часто целовали и прежде, но это было совсем иначе, чем теперь. Произошло что-то таинственное и сразу померк весь мир вчерашнего дня. Она сидела, тяжело дыша, отдаваясь неясным, но сладким мечтам.

Так застал ее дон Боб. Она молча поставила на стол еду, и они так же молча закончили простой ужин.

Когда стемнело, они сидели у дверей и к ним подошел священник.

Вдруг среди темных деревьев у дороги раздались три резких свистка.

Дон Боб вскочил, потом, не говоря ни слова, вошел в дом, взял два револьвера и исчез во мраке.

Из темноты дон Бониты и священника доносился шепот, потом раздался крик, выстрел, звуки быстрых лошадиных копыт. Потом—молчание.

Бонита и священник бросились к деревьям. На дороге, лицом вниз, лежал дон Боб. В вытянутой руке его был зажат револьвер.

С трудом приподняв его, они общими усилиями перетащили его в его жилище. Там Бонита испуганно смотрела, как перевязывал священник колотую рану в боку дон Боба.

Два дня был дон Боб без сознания, потом спокойно заснул и на третий день попросил есть. Когда Бонита накормила его, он поблагодарил ее глазами и снова заснул. Ее холодная рука на его лбу облегчала его.

Силы возвращались к нему с каждым днем. Раз как-то Педро зашел узнать, не может ли он чем-нибудь помочь. Но дон Боб только покачал головой и засмеялся, как человек, которому пришли в голову забавные мысли.

Настал день, когда дон Боб зарядил ружье, привязал к седлу узелок с провизией и сел верхом на лошадь.

— Я уезжаю на две ночи,—сказал он Боните,—а на третий день вернусь домой, если этого пожелает множество твоих святых.

Дни медленно проходили для Бониты, но вечером приближался голос Педро, певший старую песню о любви и вине. Она крепко сжимала руки, прислушиваясь к приближающемуся голосу. Что-то толкало ее к открытой двери, что-то древнее, как мир, молодое, как весна, и более сильное, чем рука судьбы. Голос певца умолк. Тихо. Бонита встала и пошла.

На второй день вечером по сухому руслу реки ехал всадник. Потом лошадь его прыгнула в сонную реку и вышла на противоположный берег. Всадник похлопал лошадь по мокрой шее и улыбнулся, как человек, который выполнил свою задачу и теперь возвращается домой. Потом улыбка вдруг померкла. Совсем близко впе-

реди, в свете луны сидели юноша и девушка. И всадник увидел, как девушка притянула к себе лицо юноши и поцеловала его.

Рука всадника нащупала в темноте ствол ружья. Перед глазами дон Боба стоял туман: только нажать курок, всего одно движение. На руках, державших ружье, вспухли синие жилы.

Но дон Боб повернул лошадь и проехал стороной. Дома он сел и стал нетерпеливо ждать.

Прошел час. Он вытер пот со лба.

За дверью послышались звуки шагов и остановились.

— Завтра,—сказал голос Бониты.

— Да,—ответил Педро.

Девушка вошла. Рука обвилась вокруг ее талии, а другая тяжелая рука легла ей на рот. Он поддерживал ее так несколько минут, как в тисках, потом бросил накрывать.

— Дон Боб! — вскрикнула она.

Не оборачиваясь к ней, мужчина ответил:

— Да, дон Боб к несчастью вернулся. Где ты была?

— В лесу у реки.

— С кем?

— С Педро.

— Ты любишь его?

— Да, мы вместе с детства.

Мужчина прошелся по комнате, потом сел. Бонита тихонько подошла к нему. Потом нерешительно села к нему на колени.

Он напрасно искал в ее лице следов грусти. Оно все сияло радостью.

— Знаешь, тебе придется найти другую Бониту,—сказала она,—я не

могла бы любить тебя так, как его. Ведь, ты уже старый.

Дон Боб наклонился неловким движением и поцеловал ее.

— Ложись спать, Бонита,—сказал он,—утром мы еще поговорим.

На заре дон Боб сошел с лошади возле хижины Педро. Когда он вошел, юноша поднялся на локте и лицо его побледнело.

— Бонита сказала мне,—произнес дон Боб.

Крик застрял в горле юноши. Дон Боб покачал головой.

— Я не сделала ей вреда,—я пришел сюда.

— Вы правы, что хотите убить меня, а не ее,—голос юноши дрожал.

Дон Боб закурил папиросу.

— Нет, Педро, я просто уезжаю отсюда. У вас с Бонитой остаются деньги, вы купите себе свиней и корову и будете счастливы.

Юноша плохо понимал, но схватил большую волосатую руку мужчины и трепетно спросил:

— Но почему?

— Потому, что мне так нравится. Но, главным образом, мне не хочется огорчать черноглазую девочку.

Он вскочил на седло, когда первые лучи солнца коснулись долины.

Дон Боб остановился у дверей дома. Бонита выбежала к нему навстречу.

— Я уезжаю,—сказал он почти весело,—но тебя оставляю в хороших руках.

Он поиграл поводом.

— Может быть, ты когда-нибудь поймешь, а, может быть, и нет. Мы оба с тобой ни слишком хорошие,



Бонита и Педро.

ни слишком плохие люди. Но есть люди, которые смотрят на жизнь светлыми глазами, а другие спотыкаются, как во мраке. Я—как раз из них. Я похож на маленького мальчика, который плачет и сердится потому, что не может получить луну.

Бонита смотрела на него и в глазах ее был новый свет.

— А, может быть, я понимаю,—шепнула она.—Я лежала и думала про вас всю ночь. Мне кажется, что я

люблю вас, только не так, как вы хотите. А если бы и так любила, так скоро бы вам надоела.

Она всхлипнула и погладила ему руку.

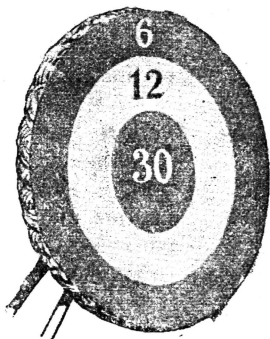
Стук копыт удалялся и, наконец, совсем умолк.

В кустах чирикала птичка. Начался новый день, несущий людям свои дары любви и печалей, ненависти и радостей.

НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!

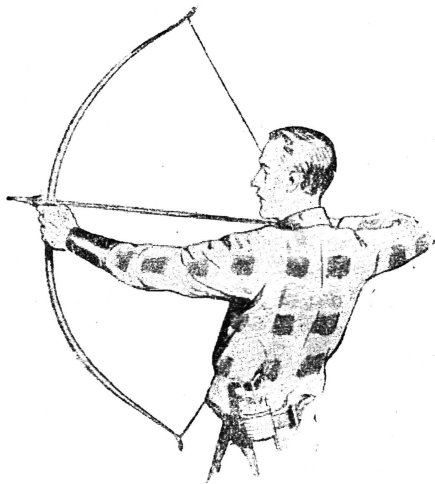
Задача № 51.

Стрелок из лука метит в цель с тремя поясами. Наружный пояс считается в 6 очков, следующий за 12, внутренний за 30. Цифры эти написаны на поясах. Стреляющий однако считает шесть очков за один балл. Определите возможно меньшее число попаданий, чтобы он мог набрать 17 таких баллов. См. стр. 80.



Задача № 52.

Сообразительны-ли вы? Пятнадцать вузовцев купили в складчину 3 билета (конечно на галерку) на гастроли Московского Художественного Театра. Сперва решили их разыграть, как обычно, в лотерею, но один из них придумал другой способ: сесть всем в кружок и выбывать каждому седьмому, пока не останется трое. Все согласились, но хитроумный инципатор «лотереи» так рассадил всю компанию, что билеты достались ему и его двум приятелям. Счет начал он с самого себя. В каком порядке он разместил себя и своих друзей? См. стр. 80.



Задача № 53.

В записной книжке найдена полустертая запись какого-то умножения

$$\begin{array}{r} 235 \\ .. \\ \hline \\ \\ \hline ..56. \end{array}$$

Нельзя ли восстановить всю задачу полностью, найдя и множитель, и произведение? См. стр. 80.

УХОДЯЩИЕ ТЕНИ



Рассказ АДЫ КАРВЕР

Перевод К. ЗАЛЕССКОГО Иллюстрации Н. КОЧЕРГИНА

Мало по малу время изменяло все. Старая, кочковатая дорога, шедшая вдоль по реке Кэну, была заброшена. Теперь проезжая дорога перерезала болота и поля, полные злаков, и не желала следовать капризам реки. Старой Генриетте дорога эта казалась беспокойной и страшной. Она даже пробивала себе путь через дворы частных владений, стирая с лица земли старые границы: дубы, апельсиновые деревья и сучковатые мирты с отягощенными цветом ветвями — деревья, под которыми в былые дни за Генриеттой ухаживали и где овладели когда-то ее сердцем.

Остров Бревель, на котором живут французские мулаты, не похож на одинокие, заброшенные острова, затерянные среди океана. Сгибающей его рекой остров похож на девушку в объятиях возлюбленного, молящего ее о любви на веки: — лежи тихо, обожаемая моя. Разве не обнимают тебя мои руки? Разве не слышишь ты биение моего сердца? Прими дары, которые я принес тебе, цветы и плоды, которые я положил к твоим ногам. Ты округла и сияешь, как солнце, ты прекраснее, чем день...

Молодежь на острове Бревель была очень довольна переменами и внесенным ими оживлением. Теперь она

могла в длинные летние вечера уезжать на автомобилях в город или ходить в кинематограф на горе.

— Да нет же, мы не разговариваем с этими неграми, — уверяли они старую Генриетту. — Нам нечего делать с этими чернокожими.

Но все это печалило Генриетту. Ее народ целыми поколениями охранял свою кровь. Презируемые белокожими, презирая чернокожих, мулаты держались особняком. Но теперь все изменилось. Что-то такое было в воздухе...

В пышной черной юбке, с черной косынкой на голове сидела Генриетта на галерее дома и смотрела на шоссе, прямую, белую и бесконечную, манившую к себе молодежь... Вот и люди теперь не умирают, как прежде. Бывало они, умирая, ложились в кровать и успевали причаститься и получить отпущение грехов. Теперь же умирают где и как попало, раздавленные поездами или автомобилями, мчащимися по проезжей дороге. Неудивительно, что хоронят часто наспех, без торжественности, без звона колоколов, не говоря уже о плакальщиках!

Генриетта и ее приятельница, старая, толстая Жозелина Ремон были единственными плакальщицами, остав-

шимися на острове Бревель. Бы о время, когда без плакальщицы нельзя было обойтись, как и без священника, когда ни одного порядочного человека не хоронили без женщин, профессионально оплакивающих умершего. В те дни к Генриетте и Жозефине относились с большим уважением: им предоставлялось почетное место за столом, лучшее кресло у камина и самая удобная скамья в церкви. Но теперь плакальщиц не приглашают и самим приходится предлагать свои услуги. Люди теперь, кажется, потеряли страх и почтение перед смертью.

Та же самая участь постигла и бабок-повитух. Молодые женщины приглашают теперь на время родов ученых акушеров или ездят рожать в город, в больницу. Теперь люди не обращают никакого внимания на то, как они умирают и как рождаются. Они просто приходят в жизнь и уходят из нее любым путем...

Все это огорчало Генриетту. Сидя в своем углу, она вздыхала и ворчала:

— Что за беспорядки пошли, ни на что не похоже...

Вот уже почти десять лет, как Генриетта последний раз причитала на похоронах. Последнее приглашение выпало на долю Жозефины, когда шесть лет тому назад умерла старая Ривэ. Тогда у Жозефины получилось 98 похорон, а у Генриетты было 99. У нее одними похоронами было больше! Как она гордилась своим рекордом! Ни одна плакальщица во всем приходе не причитала на похоронах столько раз, как она. Конечно, старая Жозефина шла почти наравне с ней. Генриетта вела счет своих похорон и похорон Жозефины в маленькой черной записной книжке, которую она держала на запоре в шкафу. На одной странице значилось ее, Генриетты, имя. Под ним стояло девяносто девять аккуратных крестиков, по пяти в ряд. На противоположной странице стояло имя Жозефины, а под ним девяносто восемь аккуратных крестиков, по пяти в ряд.

Что ж, они с Жозефиной долго и верно служили Смерти. Куда ни шла Смерть, там были и они... Было время, когда Генриетта, в виде особой

любезности, вынимала свою записную книжку и называла крестики:

— Этот вот — Мари Ломбар, а этот — ее дочь, Селеста. Вот Анри, который умер от холеры в 1860 г.

Теперь же никого не интересовала записная книжка Генриетты. Уже шесть лет, со дня смерти мадам Ривэ, лежит записная книжка в шкафу. Иногда Генриетта с грустью спрашивает себя, придется ли ей еще когда-нибудь причитать. Ведь, на острове Бревель остался только один человек, который захочет, чтобы после его смерти позвали плакальщицу. Этот человек Тони Фильбер, и он один на острове был старше Генриетты. Тони, Генриетта и Жозефина были вместе когда-то молоды. Теперь вопрос был в том, которая из них получит Тони, когда Тони умрет.

— Если я получу Тони, — говорила Генриетта, у меня будет на два крестика больше, чем у тебя. У меня будет тогда 100...

А Жозефина, расплывшись жирным телом в кресле, посмеивалась:

— Ну, а если я его получу, мы сравняемся, Этта, дорогая моя.

А Тони, старый, старый, беззубый старик, был очень доволен, что им так заняты. Иногда, встречаясь с ними в церкви, он шутил:

— Хорошо, хорошо, старухи. Я еще тут. Хи! Хи! Я переживу вас обеих. Вот подождите — я вам покажу!

Дни на острове Бревель были длинные, полные сонным кудахтаньем жирных рыжих кур и гогом уток. Часть времени Генриетты уходила на молитвы за тех умерших, которые были в чистилище. Но нельзя же вечно молиться! Оставалось только думать о прошлом и о смерти. Генриетта всегда, даже в детстве знала что-то тайное и прекрасное о смерти. Она не могла бы выразить словами, что именно это было, но знание это сделало из нее хорошую плакальщицу. Она помнила то давно прошедшее время, когда умер муж Розы, дочери Тони, и оставил ее молодой вдовой. Что это была за хорошенькая крошка, и такая бледная в своем горе! Генриетта, конечно, исполнила свой долг

перед умершим. Она причитала и пела, и билась о землю:

— Под деревом возле дороги рыли они свежую могилу. Что видят глаза твои, желанный небесами, глаза твои, которые не смотрят больше на меня? Как долго мне ждать, пока я приду к тебе, как приходила, бывало?... там у воды, где поют камыши...

Но после похорон она пошла к Розе утешать ее и говорила обратное:

— Послушай, Роза, голубка, не огорчайся так. Ты еще такая молодая и свеженькая! Подумай, он, ведь, счастлив! И мир полон мужчин, которые могли бы любить тебя...

У дверей Розы цвела лилия, которую называют «Слезы вдовы». — «Слезы вдовы» — потому, что капелька росы в сердце ее высыхает так скоро, когда восходит яркое, горячее солнце...

Да, кто знал больше про смерть, чем она, Генриетта... она, похоронившая трех мужей?

Иногда, когда погода была хорошая и солнце не слишком жаркое, старая Генриетта надевала чистое платье, брала палку и ковыляла к дому Жозефины. Они сидели тогда и вместе вспоминали старое время. Она брала с собой кого-нибудь из внуков, которые помогали ей пробираться по канаве возле проезжей дороги, которой она всегда избегала из-за автомобилей. В дождливую погоду Генриетта всегда промачивала и пачкала ноги в канаве. Когда стояли сухие дни, автомобили обдавали ее с ног до головы тонкой, белой пылью. Иной раз она попадала в крапиву или в муравьиные кучи. Любившие ее внуки возмущались:

— Ну, не стыдно ли тебе, бабушка, пробираться в канаве? Почему ты не хочешь, чтобы мы довели тебя до Жозефины в автомобиле?

Но Генриетта боялась автомобилей.

— Нет, нет, я лучше пешком дойду.

Жозефина всегда была рада ее видеть. Жозефина была богата, у нее был дом и небольшая лавка, которой заведывал зять. Замужние дети жили с ней, а не она с ними. Старухи пили кофе и говорили, говорили, говорили...

— Неужели ваши языки никогда не устают? — спрашивали смеясь, но с почтением, невестки Жозефины.

Ах, как пышно жили и умирали в былые дни! Вспоминать желтую лихорадку 1890 г. было все равно, что вспоминать свадебное торжество. Каждый день похороны, а иной день и по двое. И у нее, и у Жозефины были полные руки дела... Да, теперь эта местность стала слишком здоровой. И болота высушили, и мало ли еще что делали. Люди перехитрили смерть. Это еще хорошо, что автомобили кое-кого давят, а то люди никогда бы не распрощались с землей. А что, если в один прекрасный день люди совсем откажутся умирать? Что тогда скажет бог-отец?

Иногда Жозефина и Генриетта любили и пошутить, убивая мух неутоимыми веерами:

— Я видела на той неделе в церкви Тони. Он едва бродит.

— Да что ты? (смешок). Он уж не жилец!

Иногда в саду Жозефины начинали резко трещать дикады и сразу замолкали. Это было верным признаком смерти. Старухи начинали усердно креститься:

— Кто будет на этот раз?!

Но это, в конце концов, не имело значения. Того или другого глупого мальчишку раздавит автомобиль. Или кто-нибудь из них застрелится из-за девчонки. Никто из них не позовет ни Генриетту, ни Жозефину. Тони Фильбер единственный человек на острове Бревель, который захочет позвать плакальщицу, и он уже лет двадцать, как стоит ногой в могиле. Похоже на то, что он не расстанется с землей во веки веков, аминь. Он всегда был вот таким, любил пожить! Ах, что это был за парень, Тони-то! Как он умел обходиться с девушками...

Стоял душный августовский день, когда с Тони случился удар. Генриетте сообщил об этом ее внук:

— Я слышал внизу, в лавке, что Тони совсем плох. Говорят, что он недолго выживет.

Генриетта была взволнована. Так Тони болен, ему совсем плохо! Она торопливо проглотила свой кофе, взяла палку и отправилась по канаве к дому Жозефины. Она была так отягощена новостями, что с трудом



— Я еще тут старухи! Хи! Хи!
Я переживу вас обеих!

иной раз она забывала свой возраст или какой был теперь год. Но не забыть ей никогда поцелуев Тони и платья, в котором она была много — много лет назад. Не думала она тогда ни о смерти, ни о причитаниях над умершими. Что за любезник был Тони, и какой он был смелый! Конечно, он целовал всех девушек на острове. Но она всегда знала, что для нее поцелуй был особенный. Она была тогда стройная, красивая девушка и ей едва исполнилось семнадцать... Старая Генриетта ковыляла дальше, спотыкаясь о камушки и задевая за кусты. Было это в 1852 году, задолго до войны... У старой Генриетты на щеках теперь бородавки.

— Это лягушки их тут насажали, — говорила она иной раз любопытным внучатам. Но в те дни, когда Тони ее целовал, щеки ее были гладкие

дышала. Так Тони лежит на смертном одре... Перед ней вставали воспоминания о Тони, каким он был в давно прошедшие дни...

Августовское солнце окуталось туманом с реки. Виргинские тополя уже меняли окраску и золотель стоял весь в цвету. Так Тони умирает! Что-ж, иной раз она может и забыть, сколько у нее внуков;

и смуглые. Тони подвел ее к реке, чтобы она посмотрела на себя.

— Твое лицо, Генриетта, было похоже на желтую лилию. А теперь — взгляни-ка, — оно стало, что роза!

Да, а вот теперь бедный Тони умирал. Кого из них он позовет причитать: — ее, или Жозефину? Интересно, есть ли у Жозефины какие-нибудь «новости»? Генриетту объял такой страх, что она даже остановилась. А вдруг он позвал Жозефину? Генриетта ускорила шаги. А кто это так торопливо, торопливо пробирается по канаве? Генриетта сощурила глаза, чтобы лучше видеть. Да это Жозефина ковыляет среди кустов. Она такая толстая, что с трудом двигается.

Старухи стали издали махать друг другу веерами из пальмовых листьев и выкрикивали:

— Тони... он очень болен! Говорят, что это конец...

Они нашли славное местечко у дороги, среди кустов и переросших летних цветов. Им понадобилось минуты две, чтобы отдышаться. Как сопела Жозефина и каких трудов ей стоило усесться! Она так и расплылась во все стороны. Генриетта радовалась, что она худощавая и может взять кое над кем верх.

— Слышала ты еще что про Тони? — вся дрожь спросила Генриетта.

— Нет. А ты? — ответила Жозефина.

Вот так же точно они сидели и говорили про Тони в далекие дни молодости. Что это был за парень! А теперь вот за ним пришла смерть.

— Если я его получу, — прокричала Генриетта, — у меня на два креста будет больше, чем у тебя.

Жозефина вся тряслась от смеха:

— Да погоди! Если я его получу, мы сравняемся, Этта, дорогая моя!

Прошла неделя, прошла другая. Старый Тони, кажется, решил не умирать. Это так было похоже на него. Он заставлял смерть дожидаться его, кокетничал со смертью. Он всегда любил дразнить. И Тони ни одного слова не сказал про плакальщиц. И это тоже было похоже на него. Пускай все до последней минуты гадают!

Теперь Генриетта каждый день вечером вынимала свою записную книжку

ку. 99 крестиков. Всякая плакальщица позавидовала бы ей. Если бы ей только получить еще один крестик, чтобы округлить последние пять! Если бы ей только получить Тони. Тогда она будет торжествовать над Жозефиной.

— У меня 100 крестиков. Я причитала на ста похоронах!

Как-то раз ночью, в начале сентября, Генриетта лежала в постели без сна. За окном вздыхали и качались деревья, было очень тепло, — хорошая погода для похорон, — думала Генриетта. Хорошая ночь для смерти: жасмины все еще в цвету, а на деревьях сидят птенцы сов. — Генриетта любила сов и летучих мышей, всех существ, живших в зеленом, потустороннем мире. С проезжей дороги доносился шум автомобилей. Вверх и вниз мчались эти машины, полные молодежи. Как мало уважали смерть все эти мальчики и девочки!

На юге вспыхивали зарницы. Это означало, что дождя не будет. Генриетта тихонько встала и вышла посидеть на галерее, где было прохладнее. Может быть, именно сейчас то и умирает Тони... Один из внуков просунул голову в дверь:

— Ложись лучше в постель, бабушка, ты простудилась в одном ночном белье.

— Оставь меня.

Она начала тихонько петь:

— Он умрет, возлюбленный мой, когда созреют круглые плоды, когда опустеют поля и небо станет черным...

Две недели спустя старый Тони умер. Сын Тони пришел приглашать на похороны Генриетту.

— Это папа сказал нам позвать вас. Похороны — завтра, в десять.

Генриетта, плакавшая когда-то во время отъездов Тони в город, не могла пролить и слезы теперь, когда он умер. Она была так взволнована, что едва могла говорить, едва могла одеться.

— Идите, помогите мне застегнуть платье, — просила она детей.

Так он все так позвал ее, бедный, старый Тони!

Внук должен был проводить ее вниз.

— Бабушка! — испуганно воскликнули внуки. — Ночью шел проливной дождь. Как не стыдно такой старой даме, как вы, пробираться по канавам.

Но они ничего не могли с ней сделать. Она не успокоится, говорила она, пока не увидает Жозефину.

— Я должна пойти и сказать Жози, — бедная, старая Жози...

Когда Генриетта подходила к дому Жозефины, она стала уже издали кричать срывающимся голосом. Но Жозефина оборвала ее:

— Я уже слышала. Тебе нечего беспокоиться мне сообщать... Что же, я рада за тебя, Этта.

Старая Жозефина тяжело сидела на стуле и тело ее свисало со всех сторон. Какие мысли и воспоминания бродили за этими глазами, лишенными ресниц... Она встала и пошла сварить кофе для гостей.

— 100 у тебя, — бормотала она, — и 98 — у меня.

Сегодня Жозефина подлила в кофе анисовой водки, с осуждением поглядывая на Генриетту.

— Тебе нужны будут все твои силы, — сурово сказала она. — Вон, какие у тебя мокрые ноги. Постыдилась бы в твои-то годы!

Но Генриетта улыбалась. Она знала, что Жозефина старалась скрыть свое разочарование. Она знала, что Жозефина была расстроена. Генриетта пила горячий, ароматный кофе. Но она оставалась у приятельницы недолго.

— У меня по горло дела. Мне придется встать пораньше и быть свежей.

Но когда Генриетта проснулась на следующий день утром, она почувствовала, что с голосом ее случилось что-то ужасное. Он пропал: она не могла говорить. Внуки озабоченно окружили постель — ведь, старухи хрупки, как стекло.

— Видишь, мы говорили тебе, бабушка. Разве можно в твоём возрасте бродить по воде, как утка.

Они бранили ее, возились с ней, клали на горло нагретую фланель. Напоили горячим коньяком, но и это не помогло. Горло ее болело, а когда она открывала рот, она кряхтела, как лягушка. А, ведь, бывало, голос ее звучал во время причитаний, как орган!

— Бедная бабушка, — говорили внуки, — теперь она не может причитать. На похороны старого Тони попадает Жозефина.

Генриетта лежала и тихонько сто-

нала. Если бы она могла плакать так, как плачут огорченные дети! Но слез не было. Они уже давно высохли.

В сумерках семья вернулась с похорон. Но из уважения к ней,—как думала Генриетта,—они воздерживались от разговоров про похороны и про то, как хорошо причитала Жозефина.

Они всего только сказали:

— Жозефина такая толстая, что ее приходилось держать, чтобы она не свалилась в могилу.

Но когда Генриетта думала, что ее никто не видит, она вынула из под подушки записную книжку и поставила крестик под именем Жозефины. Теперь они сравнились. Ее старые руки дрожали и из одного глаза выкатилась одинокая желтая слеза.

— Бедная бабушка, — шептались внуки, — бедная наша старушка!..

Сон не приходил к Генриетте почти до самого рассвета. Около полуночи пошел дождь, упорный дождь, полный тайн осени. А Генриетта лежала в постели и думала про смерть. Она думала о том, как добры к ней внуки. Ей всегда было жаль молодых людей, когда кто-нибудь умирал. Ей не было жаль детей или стариков, а тех, которые между ними. Тех, что между восемнадцатью и сорока годами. Они тяжелее всего принимали смерть. Если бы они только могли знать то, что знала она, она и маленькие дети... Конечно, она причитала возле умершего: это было ее призванием, ее работой. Но как часто во время самых похорон ей хотелось шепнуть страстному горю юности:

— Тихо, тихо, милые... Не надо так печалиться. Я знаю, говорю вам, что я знаю.

Но что именно она знала, она не могла бы выразить словами.

Потом она заснула. Прозвучавший во сне колокол разбудил ее. Дождь перестал, в окна смотрел серый свет. Но кто же это мог умереть? Кто-то старый и богатый, колокол звонил так долго. Она снова задремала. Но когда она снова проснулась, колокол все продолжал звонить... Верно, умер кто-то старый.

Вдруг Генриетта услышала в доме движение. Окна хлопали, где-то от-

крыли и снова закрыли дверь. Потом зашуршали юбки, забежали ноги. Внуки! Они взволнованно окружили ее постель. Щеки младших пылали, как тогда, когда кошка упала в водоем или вышел весь сахар.

— Бабушка, как ты думаешь, что случилось? Старая Жозефина умерла!

— Бедная Жозефина, — говорили они, — она заболела ночью и умерла рано утром.

Генриетта села в кровати, мигая со сна глазами. Теперь появились и старшие внуки, они входили в комнату на цыпочках.

— Как ты себя чувствуешь, бабушка? — они взяли ее за руки. — Прошло твое горло? Знаешь, голубка, они прислали за тобой! Они говорят, что Жозефина ночью просила, чтобы ты причитала у нее на похоронах...

Весь день внуки возились, собирая бабушку. Вычистили и выгладили ее лучшее платье, разложили ее траурную вуаль, перчатки и башмаки.

— Мамочка, — говорили ей дочери. — Лежи и отдыхай, тогда голос твой поправится к завтрашнему дню.

Они были хорошие дочери, они старались, чтобы она попрежнему почувствовала свою силу. Генриетта лежала весь день и смотрела на белую шоссежную дорогу, тянувшуюся мимо дома Жозефины. Генриетте казалось, что она видит Жозефину, на галерее, с расплывающимся жирным телом.

Да, она почувствует отсутствие Жозефины, своей старой приятельницы! Вот ушли оба, и Тони, и Жози! Как странно, что ей придется причитать на похоронах Жозефины. Ей будет казаться, что она причитает на собственной могиле.

На следующее утро, при первых лучах дня, дети пришли помочь ей одеться.

— Как ты себя чувствуешь, бабушка?

Они смотрели на нее и качали головами. Она была такая худенькая и старая. Теперь, когда все друзья ее ушли, она сама казалась существом из какого-то другого мира.

— Мамочка не долго останется с нами, — говорили между собою ее дети. Они заботливо толпились вокруг нее.



Плакальщицы беседовали за кофе у жирной Жозефины...

Старая Генриетта сидела в кровати.
— Принесите мне мои очки,—ворчливо сказала она.

Они принесли ей очки, вставные зубы, четки. Вымыли ей ноги, растерли их и помогли ей одеться.

В черном траурном вуале она была похожа на маленькую черную невесту. Когда она была готова, ей принесли ее записную книжку.

— Взгляни-ка, мамочка! Отметь—ровно 100 похорон. Ты причитала столько раз на похоронах, как никто в нашем приходе.

Но Генриетта была точно чем-то рассержена:

— Не хлопчите, — проскрипела она.—Подождите, пока я вернусь с похорон Жозефины.

Она пошла по канаве, крепко прижимая маленький черный мешечек и очкн. Внуки огорченно смотрели ей вслед. Раз она остановилась и пома-

хала им рукой. Она не хотела ехать с ними на автомобиле. Она ковыляла вниз по канаве. Башмаки казались ей тяжелыми и путались в старом кружеве. Когда по дороге с грохотом мчался автомобиль, она в страхе затыкала уши. Ей казалось, что она

так одинока, так одинока, до боли в сердце...

— Жози,—звала она в тоске,—Жози, я иду...

Но когда она дошла до поворота дороги, она споткнулась и почувствовала, что не может идти дальше. Струя воды лилась из трубы сбоку дороги и канава впереди наполнялась водой. Черная вода кипела и лизала ноги старухи, коварная и злобная. Генриетта отступила и минуту стояла в нерешительности, вся дрожа. Глаза ее были устремлены на дорогу, залитую солнечным светом и бегущую мимо дома Жозефины. Потом, спотыкаясь, почти теряя сознание от страха, она выбралась и заковыляла по дороге к дому Жозефины.

— Жози,—шептала она, слабей. Мрак окутал ее.—Жози... думается мне, что, в конце концов, мы с тобой, пожалуй, сравнялись...



Рассказ П. МАКСИМОВА

Дядя Аким дальше волисполкома не бывал. А тут в Ленинград собрался: гвоздей надо, веревок, на порты ребятишкам чего ни-на-есть, в роде мануфактуры. Ну, поехал. И недалеко, а как-то опасливо. Напугали очень в деревне: народ, говорят, в городе — жох, не зевай, Аким! Деньги, шесть червяков, в исподники запрятал. Всю дорогу волновался и билет сжевал. Из вокзала еле выпустили. Ну, идет это по улице, а народу — оглоблей не проворотишь. Известно, на вольготную жизнь всякому манится, ну, и собравши в кучу.

Походил — проголодался. А тут, прямо на улице, бабочка колбасой торгует — хорошая такая колбаса, гладкая, в колечки свернута. Прицелился от нечего делать, сколько за целую.

— Четвертак без лишку.
— Дорогонько.
— Чего дороговенько? Не собачья радость какая-нибудь, товар танбовский. — Вот и булочка. Кушай на здоровье...

И булочку подает: розовую, поджаристую, такую аккуратную, что и есть жалко. А сама, вдруг, как схватит свой магазин, да и была такова. Потоптался Аким на месте, почесал затылок.

— Что за порядки такие? — думает. — И денег не спросила. — Хотел у проходящего милиционера спросить, да постеснялся начальство беспокоить. Одел колбасу на руку, булочку в карман сунул, пошел дальше.

А тут другая бабочка с куревом. Остановился Аким, взял дыбик махры, обмял его, коробочку взял разрисованную.

— Сколько дать? спрашивает.

А баба с корзиной как стреканет за угол — аж спички во все стороны посыпались.

Подобрал Аким спички — три коробки, — пошел дальше. Папиросу закурил — наслаждается.

— Чего это они стрекают? — думает. — Уж не



ОБСТОЯТЕЛЬСТВА



Иллюстрации Н. КОЧЕРГИНА

вышел ли декрет, чтобы все бесплатно? Не иначе...

Умился Аким удобству городской жизни и даже булочку, как ни жаль было, раскусил, о колбасе подумывает.

А какой-то гражданин вихрастый—доп Акима за рукав и сапоги в руки сует:

— Не надо ли, дядя, сапоги? Сносу не будет. Новехоньки. Всего одна только на манифестацию и одеваны. Товар на ять. Бери!..

Отчего не взять. Свои-то у Акима совсем разлюбожились. Повертел сапоги в руках. В пору ли? Как бы не обмашуриться? Присел на приступочек, натянул один—как дома. Стал другой разувать, смотрит на вихрастого гражданина, а у того у самого опорки каши просят и пальцы на волю гулять просятся.

— Чудаки! — думает. — Сам разут, а других обувает...

А вихрастый потирает:

— Скорей, скорей, дядя... Ведь в пору, чего колбасишься?—а сам глазами все по сторонам шмыгает.

Хотел его Аким порасспросить, что, мол, это у них в

городу за обычай такие подходящие, а тот—бочком, бочком, да в какую-то щель каменную и смылся.

Аким даже крикнул от удовольствия.

— Ну, и душа народ! А еще в деревне болтали разное несуразное... Темнота...

Около двое милиционеров остановились—встретились. Папироски закуривают и разговаривают разговоры. Аким к ним. Хотел о декрете справиться, да не вышло. Только о киперации и спросил. Оба кавалера показали рукой напротив. Глядит Аким: бутылок в окне — конца краю нет и все, видать, с градусами. Решил—с устатку. Зашел внутрь. А там гражданская очередь и все с билетиками в руках. Девушка на какой-то шарманке щелкает—би-





летики выдает. Скучно показалось Акиму ждать череду, протискался к прилавку, крикнул отпускающему:

— А ну-ка, милачек, цельную...

А тот, вроде, как в бане,—запарившись.

Билетики у граждан схватывает, на колышек их сажает, то есть, билетики, а гражданам под нос посудины тычет.

— Который ваш талон?—к Акиму обращается.

Вытянул у него Аким из-под рук билетик, показывает. А тот, как бы обидевшись:



— Тут,—говорит,—полтора рубля, чего дать на остальное? Говорите, не задерживайте.

— А чего дашь, мне все одно, али-бо скучно было закусывать.

Отчекрыжил ему отпускающий огромный кусок сала и вместе с бутылкой под нос сунул. А гражданская очередь протестует:



— Этот, что с грязными сапогами в руках, без очереди вперся!

— Ладно, мы—дальние, а вы—тушские, успеете напиться,—обиделся Аким и за дверь.

— Раздолье, а не жизнь, — думает.— Где бы приспособиться пополадничать?

Глядь, а под боком—цивнуха, и рак, ростом с годовалого телянка, нама-

леван. Ввалился Аким, оглядывается, — все столики заняты, хоть на полу закусывай. А рядом — девица одна, фря этакая, футы-нуты, рака обсасывает и глазком Акиму подмигивает.

— Садитесь за кампанию, — предлагает. Приспособился Аким около. Девица пива ему наливает. Слово за слово — колбасу и сало съели, двадцатку раздавили, пивком разбавили.

Аким порядки городские похвалил, про червяков в исподниках помянул безопасности, — чего там, ежели народ последнее с себя отдает.

— Кому, милая, нужны мои шесть червяков? — спрашивает Аким.

— Никому, красавец, — отвечает девица и по щечке его похлопывает.

Слово за слово — к себе домой девица тянет.

— Не отпущу, — говорит, — я тебя ни в жисть! А за пиво платить не надо. Пойдем, отдохнем. Пошли. Что было — мать честная! И пиво, и водка, и сало, и опять пиво. Аким решил с теткой Домной в Загсе развестись и в городу у девицы на веки вечные поселиться.

Дураки, которые в деревне живут, при этаких городских декретах!



А далё — сомлел Аким, не выдюжил и в сон вроде как бы погрузился.

Проснулся от того, что заглодел. Хотел водки спросить, глядь... дома вокруг — вроде, как после землетрясения, — одни трубы торчат. А сам — голяшом, как есть на мусоре нежится. Ни исподников с червяками, ни старых сапог, ни новых, — как есть ни ниточки! Ну, то есть, только в чем мать родила!

Что дальше? А что может быть дальше для человека при этаких голых обстоятельствах?



ИЗ УСТ В УСТА...

Рассказ Г. МОРРИСА

Перевод К. ЗАЛЕССКОГО

Иллюстрации В. СТИВЕНСА

— Как ты сюда попал?
— Через горы.
— С обозом?
— Сначала с обозом, потом один.
— Почему же ты отделился от обоза?

— Была резня.
— Индейцы?
— Индейцы.

Мальчику было не больше пятнадцати лет. Когда его стали расспрашивать о дальнейших подробностях, он весь затрясся, закрыл рукой глаза, точно защищаясь от ужасного видения, и вскрикнул:

— О, господи!

Он или не мог, или не хотел рассказывать о резне. И охотник, нашедший его в полубессознательном состоянии, и умирающим от голода, подавил в себе всякое любопытство и оказал первую помощь пострадавшему.

В конце концов, мог бы подумать охотник; — одна резня всегда похожа на другую: неожиданные боевые клики, выстрелы, проклятья, стоны, сорванные с живых и мертвых скальпы, горящие в ночи повозки—молчание...

История потока людей, хлынувшего в Калифорнию за золотом и следовавших за тем лет, до самой постройки Соединенной Тихоокеанской железной дороги, полна кровопролитий.

Бывало, что встречались люди, спасшиеся во время резни. Иной раз индейцы брали к себе детей, чтобы воспитать их по своим обычаям, а красивые молодые женщины становились женами индейцев. Случалось, что оживали и спасались люди, принятые за умерших, а иной раз в темноте и смутении индейцы не замечали кого-нибудь.

Охотник решил, что мальчик был одним из таких. На голове его, во вся-

ком случае, были целы все волосы и когда охотник его спросил, не был ли он избит, он только покачал головой и застонал.

Охотник пожалел мальчика.

— Очень возможно,—подумал он,— что он своими глазами видел, какая участь постигла его мать. Неудивительно, что он не только говорить, но и думать про это не хочет.

— Как тебя зовут, мальчик?

— Авраам Тодд.

— Есть родные в Калифорнии?

— Нет.

— Остались на востоке?

— Нет.

— Я так и знал, — подумал охотник,—он ехал вместе с родными и их всех перерезали. Бедняга! У него нет никого, кроме меня.

Джон Ларкин, охотник, сам был молчаливый человек, и молчание было ему по вкусу. Он никогда еще не встречал такого молчаливого мальчика, как Авраам Тодд. Он усыновил мальчика, конечно, не по закону, и научил его охотиться. Они вместе собирали меха и затем меняли их в Сакраменто на золотой песок.

Авраама Тодда стали звать Эб Ларкин и факт, что он пережил резню, его искусство в стрельбе и молчаливый нрав сделали его чем-то вроде местной знаменитости.

Показывая на проходящего юношу, старожилы говаривали новоприбывшим:

— Видите этого парня? Это Эб Тодд. Индейцы перерезали в обозе всех его родных. Он видел свою мать и трех сестер—понимаете?—и видел, как им содрали скальпы. И он не может забыть того, что видел. Это сводит его сума. Взгляните-ка. Видите, как он проводит рукой по глазам? Это

он закрывается от картин, которые постоянно у него перед глазами. Но знали бы вы, как он стреляет! Он без промаха попадает в любую цель на расстоянии восьмидесяти ярдов.

Как-то раз Джон Ларкин встретился нос к носу с седым медведем и медведь этот убил его на смерть. Эб Ларкин прибежал слишком поздно и все, что он мог сделать, это прострелить голову медведю и наложить высокую гору камней над телом своего благодетеля, чтобы волки и другие хищники не могли бы растерзать его. Потом он спустился с гор, еще более молчаливый, чем прежде, и стал ковбоем.

Но где бы он ни появлялся в Калифорнии, за ним следовала история резни, которую он видел собственными глазами, и рассказы о том, какой он искусный стрелок.

История резни ничего не теряла от передачи из уст в уста. Рассказывались такие возмутительные подробности, что мужчины при этом понижали голос и даже намеком не упоминали при женщинах.

Говорили, что повозки были совершенно неожиданно окружены со всех сторон. Мужчины слабо сопротивлялись и больше половины было взято в плен. Два дня и две ночи забавлялись индейцы этими пленными, до тех пор, пока в несчастных оставалось хоть что-нибудь похожее на жизнь и самая малейшая способность чувствовать страдания.

Говорили, что мальчик Ларкин спрятался в расщелине скалы и видел все, что происходило. Его сестры, — а их, кажется, было пять, — славилась своей красотой, скромностью и невинностью. В его же красавицу мать, говорят, были по-рыцарски влюблены все мужчины обоего пола.

Неудивительно, что он был такой странный. Неудивительно, что он все молчал и проводил рукой по глазам, точно закрываясь от ужасных видений, и во сне, а иной раз и на яву, вдруг вскрикивал:

— О, господи!

Во всем этом не было ничего удивительного. Кроме того, надо помнить, что, хотя ему и было в то время

всего пятнадцать лет, но он все же мог броситься на дикарей, чтобы защитить тех, кого любил. Но он не сделал этого. Он спрятался в расщелине и сидел там, страдая за участь близких, и еще от того, что не был достаточно храбр, чтобы выйти и разделить с ними эту участь. Неудивительно, что он такой странный. Иной раз просто какой-то сумасшедший.

Потом стали рассказывать про мальчика-индейца со сломанной ногой. Ларкин нашел этого мальчика в милях расстояния от жилья. Он был едва жив и Ларкин накормил и напоил его, перевязал ему сломанную ногу, взял к себе на лошадь и довез до ближайшего поселения. Разве это не было поступком сумасшедшего, если вспомнить, как Ларкин пострадал от индейцев?

И действительно, казалось странным, что он мог без ненависти смотреть на индейцев. Но когда Ларкин поселился с еще нецивилизованным маленьким индейским племенем из округа Монтерей, были люди, которые говорили, что его следовало бы посадить в дом для умалишенных.

Как мог он находить удовольствие в обществе людей, причинивших ему столько горя? Когда Ларкин приезжал в Монтерей за покупками, находились такие люди, которые поворачивались к нему спиной и делали вид, что не узнают его.

Может быть, это его задевало, а, может быть, и нет. Он был такой рослый, загорелый, недоступный и молчаливый.

Время шло. Индейский предводитель племени, хорошо известный в кабачке и игорных домах Монтерея, был найден в пересохшем русле реки мертвый, скальпированный, истерзанный. Конечно, не было поднято никакого шума. Но некие мудрые люди в городе много думали об этом, и когда Ларкин в следующий раз ехал по улице Альварado, они внимательно всматривались в него и спрашивали себя, не являются ли их предположения настоящим объяснением того, что приводило в недоумение и их, и других многих...



Еще один индеец был найден зверски убитым, и мудрые обитатели Монтерее ухмылялись.

— Теперь-то, — говорили они, — мы уже понимаем, что задумал Эб Ларкин. Он будет жить с этими индейцами, пока последний из них не будет найден мертвым и скальпированным.

Ларкин появлялся и снова уезжал. Он стал почти героем. Был убит еще один индеец. Кто-то из тех, кто поворачивался к нему спиной, предлагал ему теперь держать его лошадь, пока он сделает закупки.

Тот факт, что Ларкин женился на вдове третьего индейца и взял на себя попечение о ней и о ее маленьких детях, несколько не повредило ему.

— Вы только подождите, — говорили мудрые люди, — и вы увидите, что он сделает с этой индианкой и ее ребятами. Он будет их бить, как имеет право бить муж у индейцев, и в один прекрасный день побьет их слишком сильно. Можно только восхищаться им, как он спокойно выжидал столько лет, чтобы отомстить им.

Но если Ларкин и бил когда-нибудь свою жену-индианку и ее малышей, то он, во всяком случае, не бил их до смерти. Племя ушло в менее цивилизованные места. Ларкин перевез свою семью в Монтерей.

У него было много золота и он купил дом, небольшой участок земли, и стал жить в стороне от других.

Понемногу вымирали старики, знавшие все подробности его жизни. И хотя на него и продолжали указывать, как на человека, видевшего своими глазами резню, история о нем стала туманной и безнадежно запутанной.

В Монтерее произошли большие перемены. Испанцы были обмануты и дни их прошли. Старые хижины сносились, и на их месте выросли коммерческие здания и другие ужасы американской архитектуры. А когда арестант в Сен-квентине признался, что он убил трех индейцев, мало кто уже вспомнил, что с этим убийством соединяли имя Эба Ларкина.

Умерла жена Ларкина. Все дети, кроме одной хорошенькой дочери, переженились и разошлись, каждый своей дорогой. Хорошенькая дочь осталась с Ларкиным, вышла замуж за красавца-испанца и превратила его дом и садик перед домом в кабачек. Она разжирела, стала бойкой, и дела ее шли отлично. Каждый вечер собирались веселые компании, ели, пили, беседовали, пели и даже танцевали. Тони, муж Тины, играл для гостей на гитаре. А старик Ларкин сидел в углу, молчаливый, задумчивый, быть может, не совсем в своем уме. Иногда он прикрывал глаза рукой, точно закрываясь от ужасного видения.

Но на него мало обращали внимания. Слушая отрывки его истории, новоприбывшие сначала как будто бы стеснялись его присутствия, но скоро забывали про него.

Около 1921 года снова ожил интерес к истории Калифорнии. Вспоминали старые рассказы, в печати появились дневники и мемуары. Туристам советовали посетить кабачек Тины, где они могли уви-

деть настоящего очевидца настоящей резни.

Однажды вечером на автомобиле приехало четверо туристов взглянуть на Эба Ларкина и попробовать красного испанского вина в кабачке Тины.

Ларкин, по обыкновению, сидел в своем углу, а туристы выпили одну бутылку испанского красного и заказали вторую. Они чувствовали себя в романтической обстановке и языки их развязались. Они исподтишка поглядывали на Ларкина.

— Подумайте только, что видели эти старые глаза! — сказал один из них, и спросил Тину, открывавшую вторую бутылку вина:



Он не может забыть того, что видел. Он закрывается от картин, которые постоянно у него перед глазами...

— А сколько ему все-таки лет?

— Должно быть девяносто, — ответила Тина и вытащила пробку, издавшую приятный звук.

— Он никогда не рассказывает про резню?

Она пожала полными плечами:

— Я никогда не слышала.

— Приходится прибегнуть к помощи воображения, чтобы представить себе всю эту картину: повозки, запряженные волами, проходящими около мили в час, пыль, висящая над ними пологом, наступающая ночь...

— В книгах описывается, — сказал третий турист, — что резня чаще всего происходила, когда караван повозок тянулся по ущелью...

— С какой целью делались обыкновенно нападения? — спросил первый турист.

— Ради наживы, — ответил второй, — и ради удовольствия: даром получали ружья, лошадей, женщин...

— А потом, — сказал первый турист, — это, ведь, была их страна и они имели право никого к себе не пускать.

— Но если бы они не пустили нас, — возразил третий турист, — не было бы ни культуры, ни прогресса.

В это время старик Ларкин повернулся к посетителям, точно желая послушать, что они еще скажут.

— Но, во всяком случае, — сказал один из туристов, — они не имели права так истязать своих пленников.

— Да, они были хорошо сведущи в пытках, — сказал другой. Как бы вам по-

правилось отправиться в Калифорнию на медовый месяц, попасть в руки индейцев и видеть, как они у вас на глазах приканчивают вашу жену? Один человек рассказывал мне, что этот старик Ларкин видел, как истязали его мать, как скальпировали ее и его пять красавиц сестер. Он видел, как каждый человек в обозе



— Да, я все это видел своими глазами.

умирал от истязаний медленной смертью...

Туристы очевидно почерпнули в своих скитаниях много старых местных историй и за третьей бутылкой испанского красного выкладывали друг другу свои рассказы о зверствах

индейцев. Эту часть их разговоров было бы не совсем удобно передавать в печати. Когда запасы их истощились, первый турист сказал:

— Не правда ли, обо всем этом страшно подумать?

А второй подхватил:



Но не индейцы тогда резали, а мы их.

— Да, и я уверен, что старик Ларкин видел все это собственными глазами. Не удивительно, что у него в голове не все в порядке.

В комнате вдруг раздался сильный и звучный голос. Четверо пораженных туристов растерянно смотрели

на старика Ларкина. Он встал и глаза его метали искры.

— Да, крикнул он, — я все это видел своими глазами. И это испортило всю мою жизнь и свело меня с ума. Только вы в одном ошибаетесь. Это не индейцы нас тогда резали, а мы — их.

ЧЕЛОВЕК ПОБЫВАВШИЙ НА МАРСЕ

Отсылаем читателей к помещенному в № 5 «Мира Приключений» научному очерку П. Мордвинова — «Загадка Марса».

Рассказ Г. АРЕЛЬСКОГО

Иллюстрации М. МИЗЕРНЮКА

Этот человек жил в трех верстах от дачного полустанка, на который мы только что высадились из поезда, через полминуты ушедшего в непроглядную тьму октябрьского вечера. Было около одиннадцати часов и на полустанке, кроме нас, никого не было.

Мой спутник поднял воротник пальто и решительно заявил:

— Мы пойдем пешком,—я хорошо знаю дорогу. Если он никого не прислал за нами, то у него, вероятно, были на это причины.

— Да,—сказал я, вздрагивая от холода и стараясь смягчить тон недовольного голоса,—мы пойдем пешком в сплошном мраке, по грязной проселочной дороге и... свернем себе шею. Чорт бы его побрал с его вечными выдумками! Мы могли бы выехать завтра утром и добратся засветло.

— Но ведь в телеграмме говорилось о немедленном приезде. Ты прекрасно знаешь, что в нашем деле нельзя терять ни минуты. Пропустишь, а потом жди целых два года. Ну, ладно, не ворчи, старина.

Я ничего не ответил, и мы, сойдя с деревянной платформы и минуя стрелки, около которых находился переезд, свернули направо, на узкую проселочную дорогу. С двух сторон ее тянулся лес.

— Ну, вот видишь, как сухо на дороге, а ты ворчал, старина. Посмотри-ка, как здесь хорошо, и какое сегодня чудесное небо?! И, знаешь, три версты—сущие пустяки. Мы пройдем их незаметно.

— Однако, ты слишком доверяешь этому человеку,—сдержанно возразил я.—Достаточно его фантастического обещания, чтобы ты мчался к нему сломя голову...

— Фантастического обещания? — перебил он меня и неожиданно рассердился. Да знаешь ли ты, что другого такого человека, как Николай Александрович, не найти во всем мире! И не ты ли сам полчаса назад им восхищался... Я верю в него, как в незыблемую истину. Если ты не хочешь со мной ссоры, то лучше молчи...

Он был прав,—в поезде я говорил совершенно другое. И теперь, после его слов, я ясно представил себе коренастую фигуру ожидающего нас неисправимого фантазера, милого Николая Александровича; его насмешливые карие глаза, всегда взлохмаченную шевелюру, длинные, по-хохлацки виляющие вниз усы, и добрую улыбку.

Около года назад этот человек прогребел на всю Европу. Он достиг такой славы, которая не снилась еще ни одному смертному. Его изобретение—мина-ракета с автоматическим кино-аппаратом—было приобретено американской кино-фирмой. Пущенная из Америки, мина в 6 дней облетела вокруг Земли, а кино-аппарат в ней сфотографировал с громадной высоты весь земной шар. Изготовленный затем фильм обошел все экраны мира и вызвал всеобщий восторг. Это изобретение дало ему значительную сумму денег. Он купил себе дачу и устроил там обсерваторию. Это было весьма кстати, так как он в это время поссорился со всем ученым миром. Делая однажды доклад о своем новом изобретении—радио-свето-приемнике, он производил опыты с передачей радио-изображений при помощи двух вращающихся стеклянных шаров. Его теория была настолько сложна, что ее никто не понял. Когда у него стали

просить объяснений, он вдруг неожиданно рассвирепел и наговорил всем дерзостей. Это с ним часто бывало, и нужно, к сожалению, признать, что у него был отвратительный характер: он раздражался из-за каждого пустяка и приходил в бешенство... С тех пор он исчез с ученого горизонта и поселился на своей даче.

И вот сегодня мы получили от него телеграмму. Ведь, если Николай Александрович вспомнил обо мне через полгода,—то это, право, что-нибудь да значит! Конечно же, он прекрасный человек и верный товарищ, а в его гениальности я никогда и не сомневался! Ну чего же тогда я развораччался...

Я почувствовал рассказание и обратился к угрюмо шагавшему Павлу.

— Оказывает-ся, что ты был прав. Я согрелся и иду с наслаждением. И нужно согласиться, что здесь прелестно, а темнота действует успокоительно на нервы.

Дорога начала круто подниматься в гору. Лес кончился, и по сторонам замелькали поля, покрытые серебристым инеем. На вершине горы, отчетливо выделяясь на фоне неба, стояла белая двухэтажная дача, приветливо поблескивая освещенными окнами нижнего этажа.

Павел взял меня под руку и весело проговорил:

— Вот эта и есть та самая дача, где в полном уединении живет и работает наш таинственный отшельник...

Он встретил нас во дворе и провел в свой кабинет, где был приготовлен чай и весело потрескивал камин.

— Ну, друзья, прежде всего сами наливайте себе горячего чаю и согревайтесь.—Я отпустил сегодня свою Дарью, чтобы она нам не помешала, а главное, чтобы завтра не было спле-

тен, что я занимался с вами чертовщиной. Осторожность никогда не мешает в нашем деле! Вот почему я вас и не встретил; однако, Павел хорошо знает дорогу и без провожатых. Рекомендую в чай налить вина...

Мы уселись вокруг стола.

— Вы нисколько не изменились, Николай Александрович, — сказал я, наливая себе чай;—ведь, пожалуй, мы не виделись полгода. У вас, вероятно, много нового?

Он бросил довольный взгляд вокруг и улыбнулся. Во всех углах кабинета стояли сложные электрические приборы и какие-то блестящие цилиндрические аппараты.

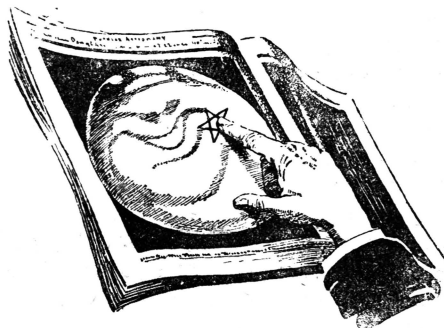
— Да, я много работал за последнее время. И, знаете, я, наконец, понял, что не человек создает машину

а машина — человека. Вы понимаете, каждая изобретенная машина создает штат людей, ее обслуживающих, и, конечно, это не обходится без влияния на жизнь, привычки, психику. Одним словом, лично я нахожусь в полном рабстве

у своих машин. Я даже думаю, что человечеству пора изобрести машину, исправляющую людей от машин. Как ты на это смотришь, Павел?

— Что ж, в этом есть своя доля правды. В конце концов, человек окончательно поработит природу...

— Это мне нравится! «Поработит окончательно природу»... Какой абсурд! Не человек поработит природу, а она все время тянет его за уши из грязи. Давно ли мы бегали задравши хвосты с обезьянами или им подобными нашими предками. И что же, по твоему, это мы сами себя так изменили, что у нас нет больше хвостов, громадных челюстей и маленького мозга? Или, по твоему, в этом можно усмотреть нашу победу над природой!? Наоборот, все наши изобретения находятся вокруг нас, и природа нас на них на-



— Посмотрите: фотографируя Марс, Дуглас получил пятиконечную звезду...

талкивает. Тянет нас за уши к чему то такому, что еще неостушно нашему пониманию. Ну, ладно, не в этом дело и не затем я вас вызвал сегодня... Скажите-ка лучше, что дали вам последние наблюдения над Марсом?

— Да ничего особенного... Сделано несколько зарисовок, но каналов нам не удалось видеть.

— Теперь на Марсе конец лета и он обращен к нам южной стороной,—вмешался я в разговор; — каналы высохли... Я думаю, что в это противостояние заграничные собраты не далеко опередят нас.

— Я так и знал! — улыбнулся Николай Александрович. — Однако, я сделал несколько больше. Я просто побывал на Марсе и видел все собственными глазами

Он умолк и задумался.

Мы в недоумении переглянулись.

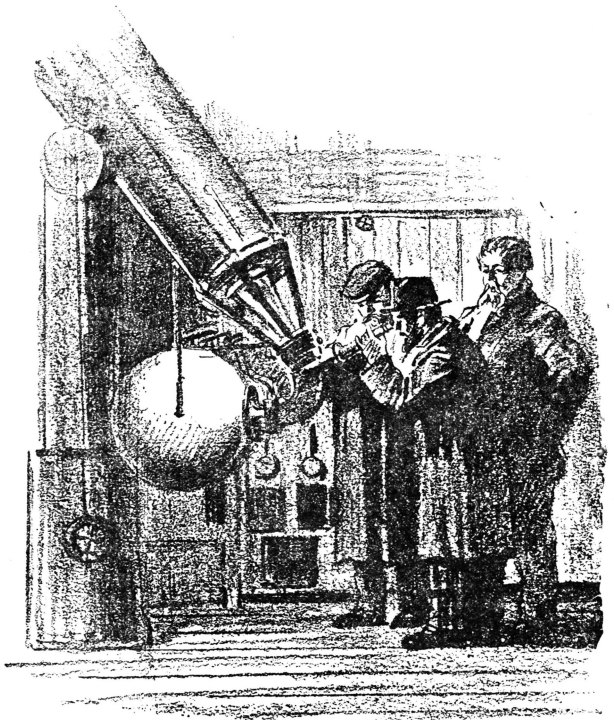
Он это заметил и вдруг добродушно рассмеялся.

— Что ж, я привык, что меня считают сумасшедшим! — воскликнул он деланно сердитым голосом. — Я мог бы вас выбросить из окна или переломать кости за такое оскорбление... Однако, я молчу. Посмотрим, что вы заговорите через полчаса. Идемте в обсерваторию! Сейчас как раз приближается тот момент, когда внешний спутник Марса — Деймос — собирается заходить за планету, а внутренний — Фобос — находится над другим полушарием, где теперь ночь.

Он подошел к письменному столу и достал журнал. Это был летний номер «Popular Astronomy».

— Вот, посмотрите-ка на этот интересный снимок Дугласа! Фотографируя Марс, севернее озера Солнца, у шести каналов он получил пятиконечную звезду. Вам, конечно, известно, что аналогичный снимок был получен и Пиккерингом? Так вот, я вас сейчас повожу по этим местам. Идемте... Он круто повернулся и быстро вышел из кабинета.

Мы вышли за ним в прихожую и одели пальто. Обсерватория находи-



...и они очутились на Марсе ..

лась на крыше дачи и туда вела винтовая лестница из прихожей.

Николай Александрович вошел в обсерваторию и зажег свет. Громадный рефлектор стоял по середине обсерватории, поблескивая медью своего тубаса. У конца его находился большой стеклянный шар, около которого темнели электрические батареи.

— Это — радио-рефлектор моей конструкции, — сказал он, открывая в это время купол обсерватории. — Этот шар — свето-приемник; для земных радио-свето-передач необходим еще второй подобный же шар — свето-отправитель, на котором должно отразиться передаваемое изображение, но в данном случае его заменяет с успехом спутник планеты. Устраивайтесь поудобней около шара, — сейчас мы все очутимся на Марсе.

Он включил батареи и погасил свет. Хлынувшая из отверстия купола голубоватая темнота неба наполнила обсерваторию. Стеклянный шар начал быстро вращаться и темнеть. На нем вдруг появилось яркое изображение озера, вокруг которого сплошной массой высились странные цилиндрические здания. Они тянулись и по обеим

сторонам каналов и казались как бы висящими в воздухе. Каналы вырисовывались узенькими синеватыми лентами, а широкое пространство между ними было ярко-зеленовато-желтым. На этом пространстве двигались во всех направлениях какие-то темные точки...

Вдруг изображение начало сдвигаться вправо. Мелькнула широкая голубая поверхность озера, огненно-красная полоса земли, а затем опять зеленовато-желтое пространство между двумя голубоватыми лентами каналов. Здесь движущихся темных точек было больше и они казались отчетливее.

— Я навел радио-рефлектор немного севернее озера Солнца.—Это—канал Оронт—прозвучал неожиданно голос Николая Александровича, о присутствии которого мы, очарованные всем виденным, совершенно забыли.

— Нет никакого сомнения, — воскликнул восхищенный Павел, — что во время таяния снегов каналы наполняются полярной водой. Она разливается и орошает пространство между каналами, где произрастает растительность. Сейчас конец лета и идет сбор жатвы. Эти движущиеся точки — марсианские земледельческие машины.

— Я тоже так думаю, — задумчиво проговорил Николай Александрович, склоняясь над микрометрами. — Давайте, возьмем местность еще севернее, где переплетаются шесть каналов, фотографирование которых дало Дугласу его знаменитую звезду.

Прежнее изображение сдвинулось вправо и с необычайной отчетливостью на шаре выступила резко очерченная черная пятиконечная звезда.

— Значит Дуглас все-таки был прав! — воскликнули мы с Павлом.

— Вглядитесь внимательно и вы увидите в чем тут дело. Переплетение шести каналов — Оронта, Физона, Тифониуса, Ефрата, Гидекеля и Штолониуса — в своем естественном виде уже почти дает звезду, но марсиане еще прорыли между ними дополнительные каналы, преследуя этим цель получить совершенно правильную фигуру.

— Поразительно!

— Что вы видите в середине пентаграммы?

— Я вижу совершенно ясно высокое цилиндрическое здание, подобное зданиям города Солнца.

— Ты прав, Павел! По моим соображениям, это здание — главная обсерватория марсиан, а пентаграмма, ее окружающая, — символ астрономии, которым на Марсе, вероятно, принято окружать обсерватории. Ты ведь помнишь, что астрологи при помощи несложных геометрических построений получали на ней совершенно точно расстояния планет от Солнца.

— Признаться, я был склонен думать, что это сигнализация. После всего виденного, право, не трудно поверить, что марсианские астрономы хорошо осведомлены о нашем коммунизме...

— И знаешь, — улыбнувшись на его замечание, продолжал Николай Александрович, — подобных звезд-пентаграмм не мало разбросано по разным местам Марса. Мы сейчас увидим северную часть планеты, и там около Исменийского озера находится вторая обсерватория.

— Но северная часть Марса сейчас невидима, — возразил я: там — ночь.

— Ну так что ж... Вы увидите чудесный ночной ландшафт, а, кроме того, по ночам пентаграммы вокруг обсерваторий начинают светиться. Это сказочное зрелище.

— Мне понятно, почему мы увидим обращенную от нас сторону Марса, — сказал Павел. — Спутник сейчас зайдет за планету, но нам он будет еще долго виден, так как часть дуги эллипса, по которой он вращается, видима с нашей Земли под большим углом.

— Совершенно верно! — подтвердил Николай Александрович, — этот спутник, взойдя на небо северного полушария Марса, пошлет нам световолны его поверхности, а, кроме того, мы увидим и небо, отраженное в воде Исменийского озера.

Мы снова устремили взоры на блестящий вращающийся шар...

Он сделался совершенно темным и на нем вспыхнула яркая светящаяся пентаграмма. В голубоватом полумраке

она отливала красно-зеленоватым светом, настолько ярким, что мы первое мгновение ничего больше не замечали. Но вот глаза наши привыкли и мы различили темное очертание здания посередине. Затем изображение звезды отодвинулось вправо и перед нами появился город. Он был ярко освещен и можно было отчетливо различить все малейшие детали. Цилиндрические здания стояли, тесно прижавшись друг к другу, на высоких, странной конструкции столбах. Вероятно, во время разлива весенних вод, каналы выходили из берегов и заливали большие пространства около городов. Эти столбы были соединены сложными сетями виадуков — улиц, ярко освещенных, по которым ползли в разных направлениях темные точки поездов. Улицы были расположены и по верху зданий, и там, судя по количеству движущихся разноцветных точек, было шумное движение.

— Я навожу рефлектор на поверхность Исменейского озера, — слышали мы тихий голос Николая Александровича. — Сейчас мы увидим небо Марса...

Изображение города исчезло, стертое, как резинкой, продолговатым черным пятном, появившимся на шаре. В темном пятне отчетливо вспыхнули две яркие серповидные луны, плывшие друг другу навстречу. Между ними горели зеленоватые звезды знакомых созвездий. Созвездие Лебедя одним крылом закрывало часть неба, и его звезда Альфа сверкала неподвижно в зените, заменяя роль нашей Полярной Звезды. Зрелище было поистине волшебное и мы не могли оторвать от него своего восхищенного

взгляда. Луны Марса на наших глазах изменяли фазы, внося еще более очарования в эту сказочную картину. Получалось такое ощущение, что мы сами находимся на Марсе и видим всю эту картину своими глазами. Да, Николай Александрович был прав, когда говорил, что он побывал на Марсе! Бросив случайно взгляд на серп Фобоса я вдруг заметил узкую полоску ярко-алых точек, которая начала быстро передвигаться между звездами.

— Что это такое? — изумился Павел.

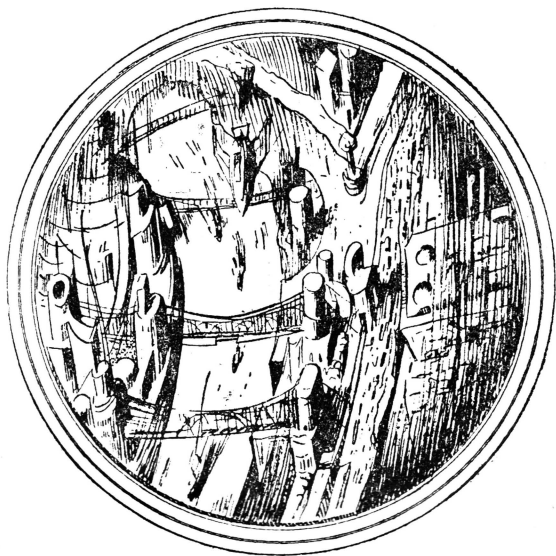
— Не что иное, как аэробиль пригородного сообщения. Планета сообщается со своими спутниками.

Аэробиль сейчас отошел от Фобоса. Однако, друзья мои, я дам вам сейчас снова обсерваторию. Пентаграммам еще не все объяснила. Одну минуту, я включу сейчас аппарат для ловли звуковых радио-волн...

Николай Александрович оставил шар и зажег свет. Около рефлектора он поставил маленький ящичек из красного дерева с индукционной

катушкой, к которой на проводах прикреплялись три слуховых радиотрубки. К катушке магнита была припаяна тонкая металлическая игла, упирающаяся одним концом в наведенную разграфленную карточку-пластинку. Потом он поставил электробатарею и соединил их с ящиком и с рефлектором.

Погасив свет, он пустил шар, на котором снова зажглась зеленоватая звезда. Одновременно с этим стрелка дрогнула и начала вычерчивать кривую на пластинке. Когда кривая заполнила всю пластинку, он остановил аппарат и, вынув пластинку, передал ее нам.



Цилиндрические здания стояли на высоких столбах... Виднелись улицы, виадуки...

Мы принялись ее внимательно рассматривать.

— Да ведь здесь получилось какое-то слово! — воскликнул пораженный Павел. — Подождите, подождите... ну, конечно, это «Мурлуу». Что за чудеса, от которых у меня начинает кружиться голова...

— Ха-ха-ха! — добродушно рассмеялся Николай Александрович. — Это марсианское слово. Что оно обозначает, я, конечно, не знаю. Но пентаграмма почему-то посылает через известные промежутки времени неизменно это слово в пространство. Возьмите радио-трубки и послушайте. Я сейчас поставлю новую пластинку...

Первое мгновение я не слышал ничего, кроме металлического гудения электро-батарей, но потом оно прекратилось и наступила мертвая тишина. Подобной тишины я никогда не слышал у нас на Земле. Мне показалось, что она наполняет все мое тело какой-то легкостью, каким-то абсолютным забвением всего окружающего. Эта тишина безвоздушного пространства давала мне такое ощущение, как будто я погружался в тихие воды безбрежного и бездонного озера, залитого зеленовато-голубым светом мерцающих звезд. Я закрыл глаза... И вот я услышал тихую мелодию, такую бесконечно-грустную и сладостную, что у меня замерло сердце. Ее ритм напоминал струившийся свет, который менял оттенки и делался все ярче и ярче. И когда мелодия достигла, наконец, своего апогея, — она неожиданно оборвалась... И тогда я услышал отчетливо

прозвучавшее таинственное слово: Мурлуу. Оно прозвучало протяжно и печально и напомнило мне почему-то бой старинных часов, разнесшийся по всему полушарию спящей планеты. И в его печали я почувствовал какой-то глубокий, скрытый смысл, какое-то откровение, какую-то неразгаданную тоску жизни...

Николай Александрович взял меня за плечо и я с трудом открыл глаза.

На пластинке, которую он держал в руке, кривая опять вычертила то же слово: Мурлуу.

Мы сидели в кабинете.

Николай Александрович налил себе большой стакан вина и сказал:

— А все-таки я был прав! Не человек создает машину, а машина создает человека. Я в полном рабстве у своих машин, и вся моя жизнь полна этого необычайного рабства... И вы... вы тоже

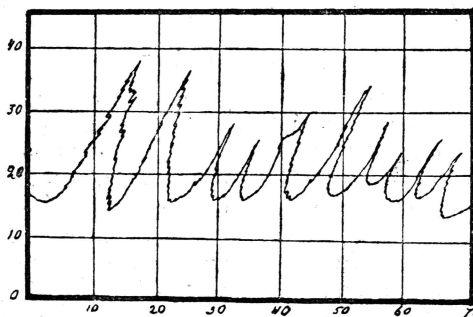
теперь отравлены навсегда.

Он залпом выпил вино и замолчал.

Павел сидел, опустив голову на руки и задумчиво устремив взор в одну точку.

Я подбросил дров в догорающий камин. Они, весело потрескивая, вспыхнули, и кабинет наполнился красноватым отблеском пламени.

Окна начинали слегка голубеть. Наступал рассвет. В молочно-сизых сумерках, над покрытыми инеем молчаливыми полями, нависла мертвая тишина печали. И мне почудилось с особенной остротой, что там, за окном, все еще продолжает звучать это печальное слово неразгаданного смысла жизни.



— Да ведь здесь получилось слово «Мурлуу»...

Как я омолодился в 70 лет

Юмореска СТЕФАНА ЛИКОСА

Иллюстрации О. ГАММОНДА

Когда я достиг семидесятилетнего возраста, я заметил, что начинаю стариться. Сами по себе незначительные, но предостерегающие симптомы стали убеждать меня в этом факте.

Прежде всего я потерял свои волосы. На первый выпавший волос я не обратил никакого внимания. Но настал

день, когда у меня оказалось всего четыре волоса на голове, по два над каждым ухом. Тут уж я почувствовал, что мне грозит серьезная опасность облысеть.

И действительно, однажды неосторожно усевшись под электрическим вентилятором, я потерял и эти последние четыре волоса.

Перемена в моей наружности бросалась в глаза. Вечером, в клубе, мой знакомый привскочил от удивления.

— Где же ваши волосы? — воскликнул он.

— Я потерял все четыре волоска, — ответил я.

— Ничего, — ободрил он меня, — королева Елизавета была лысая, но никто бы этого не сказал.

Облысение оказалось только одним из множества признаков, отмечавших приближение старости. У меня совершенно испортилось пищеварение и я стал страдать ревматизмом. Я не мог опустить руку и повернуть шею. Некоторое время спустя, я потерял и свою способность двигать ушами.

Ревматизм сопровождался злобными симптомами. Сердце мое часто останавливалось минут на десять и мне стоило больших трудов заставить его опять работать.

Тут уж я понял, что здоровье мое было серьезно расстроено.

Я видел, что если я не приму сейчас же мер, я очень скоро превращусь в старика. Необходимо было серьезно заняться собой.

— В наше просвещенное время, — сказал я себе, — без сомнения, существуют всевозможные средства предотвратить старость. Начну сейчас же.

Прежде всего я решил поправить свои волосы. Я читал в газетах различные объявления и рекламы и поэтому знал, что вернуть себе волосы очень легко. Нужно было всего толь-

ко делать энергичный массаж головы. Я взял в каждую руку по половинке

кирпича и начал усердно натирать свой череп.

Через четверть часа я с восторгом увидел, что голова моя покрылась пышными черными волосами.

— Очень хорошо, — сказал я себе, — теперь возьмемся за ревматизм.

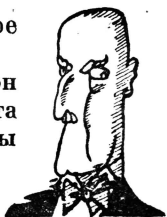
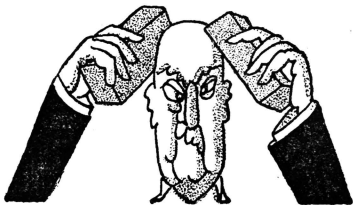
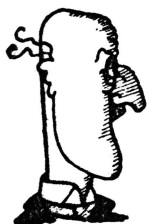
Я думаю, что всякий знает из популярной литературы по этому вопросу, что ревматизм легко излечивается очень простыми упражнениями, которые можно проделывать у себя в спальне. Это даже вносит приятное разнообразие в жизнь.

Утром я улегся на пол своей спальни и стал размахивать над головой ногами, напевая «Последняя роза ушедшего лета».

Результат получился замечательный. Я поднялся с полу без всяких следов ревматизма и с восторгом поворачивал шеей из стороны в сторону.

— Теперь, — сказал я себе, — посмотрим, как можно будет помочь моему испорченному пищеварению.

Я прошел в столовую и сказал слуге:



— Принесите мне десять галлонов¹⁾ воды, вдвое больше сухого песка и ведро простокваши.

Большинство читателей знает, конечно, о благотворном влиянии на желудок теплой воды. Достаточно сказать, что, выпив несколько галлонов, я почувствовал, как все внутри у меня согрелось. После четвертого галлона испытываемое мною чувство подавленности сменилось ощущением сверхъестественного оживления.



С трудно описываемым чувством восторга взялся я за песок и стал поглощать ложку за ложкой.

Но нужно было проделать еще одно. Простокваша, как это без сомнения известно читателям, заключает в себе элементы, необходимые для поддержания вечной молодости. Простокваша обновляет весь организм.

Человек, желудок которого всегда полон простокваши, не должен бояться смерти или старости. Проглотив два галлона простокваши, я начал испытывать во всех моих внутренностях чувство большого успокоения.

Теперь лечение мое было закончено. И, все же, в последнюю минуту, чаша счастья была оторвана от моих губ.

Вставая из-за стола, я снова испытывал сильные ревматические боли и пучок волос упал с моей головы на пол. Я поскорее лег на ковер и замахал ногами. Но, увы! Кислое молоко возымело тут такое действие, что пищеварение мое вконец испортилось.

Короче говоря, я принужден был сознаться, что все мое лечение кончилось полнейшей неудачей.

Я уже совсем было пришел к убеждению, что не переборол надвигающуюся старость, когда разрешение этой задачи нашлось совершенно неожиданно. Я решил отказаться и от гимнастики, и от всех остальных средств, и с горя пошел пройтись. Навстречу мне нарядная няня катила детскую колясочку. В ней очень удобно и уютно сидел беленький и розовый

ребенок. Перед колясочкой остановились две дамы.

— Что за очаровательный ребенок!

— Он уже разговаривает?

— Нет,—ответила няня,—он только говорит «гу-гу».

Дамы с восхищением наклонились к ребенку и расцеловали его.

И тут-то меня и осенило.

— Вот это для меня подходящая жизнь,—сказал я себе.—Я теперь немногим больше и немногим тяжелее этого ребенка. Все, что делает он, могу делать и я. Я сейчас же начну новую жизнь.

Я так и сделал. Не откладывая, купил нарядное белое платьице и вязаное пальтишко с розовой вышивкой. Потом купил и розовую с белым шляпу от солнца, и носочки с вязаными башмачками.

Закончил я покупки приобретением просторной детской колясочки и тогда уже нанял и опытную няню.

Теперь я нашел то, чего искал. Можно ли сказать, что я помолодел? Нет, но все, что было еще вчера для меня минусом, сегодня стало вполне естественно. Мне не нужны волосы. Мне не надо иметь хорошую память. Я не должен разговаривать, а могу мычать и бормотать что-то неясное. И каждый день на прогулке возле меня останавливаются очаровательные молодые женщины и говорят:

— Ах, какая прелесть!

— У него есть зубки, няня?

— Покройте ему животик, а то он простудится.

Вчера одна из них сказала:

— Какие у него задумчивые глаза!

Он мне кажется старым и мудрым. Я уверена, что он многое порассказал бы, если бы только мог говорить...

Она была права. Я мог бы многое порассказать...



¹⁾ Галлон—3 штофа.

ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ

ОТКРОВЕНИЯ НАУКИ И ЧУДЕСА ТЕХНИКИ.

РАДИО И ЖИЗНЬ.

Никто из тех, кто присутствовал на исторических опытах Генриха Герца в 1888 г. и наблюдал, как между концами разрезанного правильного круга проскакивают маленькие искорки в момент разряда стоящего в другом конце комнаты электрического индуктора, не мог вообразить себе, что через сорок лет эти искорки позволят людям переговариваться между собою на десятки тысяч километров без всяких кабелей и проводов.

Сам Герц, открывший эти удивительные электрические волны, не придавал серьезного практического значения своему открытию, не веря в то, что оно позволит обмениваться сигналами даже на коротких расстояниях.

Но уже в 1896 году наш ученый Попов и итальянский инженер Маркони создают первые аппараты для беспроволочной передачи сигналов—сперва на скромную, достигающую нескольких километров, дистанцию, вырастающую через два десятилетия в тысячи километров. Каждый год, каждый месяц затем приносят что-нибудь новое в эту область беспроволочной сигнализации, которая за несколько лет прочно входит в культурный обиход современного человечества.

Радио. Кто не слышал теперь об этом увлекательнейшем изобретении, внесшем такой глубокий переворот в технику взаимного сообщения? О радио, радиопередаче, радио-приборах, радио-телеграфе, радио-телефоне написаны и пишутся тысячи книг и исследований; радио посвящены сотни журналов на всех языках, усовершенствованиями в области радио занято множество лабораторий и институтов, — родилась целая новая отрасль промышленности, изготовляющая радиоаппараты.

Сказка о волшебных голосах, слышимых через горы и океаны, стала теперь обыденной явью, любой школьник без всякого волшебства может устроить у себя дома нехитрый прибор и слушать чужую речь и музыку, играющую за много сот верст.

Мы не будем здесь говорить, как это достигается, отчего действуют радио-передатчики и радио-приемники, не будем описывать новейшие грандиозные радиостан-

ции — для этого потребовалась бы целая книга. Мы приведем здесь лишь несколько интересных цифр и примеров того, как глубоко во все закоулки нашей жизни проникло теперь это чудесное изобретение начала XX века.

Следующие цифры могут дать некоторое представление о том, какую роль играет радио в жизни одной из наиболее технически передовых стран—в С.-А. Соед. Штатах. По последним данным, там сейчас 6.500.000 радиоустановок (из них 1.350.000 приходится на долю фермеров-крестьян, обслуживающих 26 миллионов слушателей (против 60.000 установок 1922 года). Свыше полумиллиарда долларов было истрачено населением в 1926 году на приобретение радиоаппаратуры, а всего за 5 лет—около 1½ миллиардов долларов.

Одной из первых областей, завоеванных радио, была область мореплавания. Уходя в дальнее плавание, судно иногда теряет связь с остальным миром на несколько месяцев. Быть отрезанным от людей, не получать ниготкуда ни малейших известий, не знать, что делается там, за этой ровной полосой горизонта! И вот, радио уничтожает эту стену пространства, позволяет не отрываться от мира, дает возможность получать новости отовсюду, среди Атлантического океана вести переговоры с Америкой и Европой, и слать, когда надо сигналы о помощи.

S. O. S.—этот краткий сигнал:—гибнем—спасите!—летающий через бурные волны, сколько раз спасал он людей с тонущего судна, заставляя соседние пароходы мчаться ему на подмогу.

Недаром существует теперь закон, обязывающий все сколько-нибудь крупные суда иметь у себя на борту радиоаппарат. Это ныне даже выгодно для судовладельца, так как страховка за товар на таком судне дешевле, чем на судне «немом».

Радио разрешило и другую важную задачу мореплавания — умение найти местонахождение судна, когда нет возможности ориентироваться по солнцу, звездам и компасу. Предположим, что корабль был отнесен бурей далеко от своего направления. Впереди — тьма и незнакомый берег без



маяков. Корабль шлет сигналы о помощи. Тогда две береговые радиостанции шлют ему свой ответный сигнал. На корабле для их приема имеется особая вращательная рамочная антенна (рис. 1). Если поворачивать ее в разные стороны, то сигнал бывает слышнее всего тогда, когда рамка обращена своим отверстием к станции, посылающей сигналы. Замечая по компасу два таких направления от обеих станций, можно легко найти на карте точку их пересечения—иначе говоря—местоположение судна. Этот прием называется радиолокацией, и в настоящее время усовершенствован настолько, что заблудившемуся судну нет надобности определять самому свое местонахождение, ему достаточно послать условный сигнал, и береговые пеленгаторные станции сами сообщат ему его долготу и широту.

Недавно одним французским изобретателем было предложено воспользоваться радио в качестве лодмана для воздушных судов (используя принцип, применяемый для направления судов, входящих в гавань). Для этого на столбах протягивается изолированный провод, излучающий радио-волны. Аэроплан у себя на борту имеет небольшой приемник и рамочные антенны, при помощи которых ему удастся держать свой курс все время над линией провода (см. № 2 1927 г. «Мир Приключений»).

Вообще радио оказало авиации огромные услуги. Оно позволило связать летящий аэроплан с землей. Современное регулярное воздушное сообщение было невозможно, если бы не радио, дающее пилоту сведения о состоянии погоды, о тумане, о взлете и направлении. Не мало воздушных аварий было предотвращено тем, что летчик, получив сигнал о тумане или о близости грозы, менял свое направление и тем избегал серьезной опасности.

На рис. 2 изображен один из новейших радиоаппаратов, устанавливаемых на аэропланах. Этот небольшой портативный аппарат, весящий всего 5½ фунтов, позволяет поддерживать разговор на расстоянии 300—400 километров. Так разговаривали с остальным миром отважные воздушные путешественники, стремящиеся к разгадке полюса, так разговаривали смелые летчики, впервые рискнувшие пересечь бескрайние дали Атлантики.

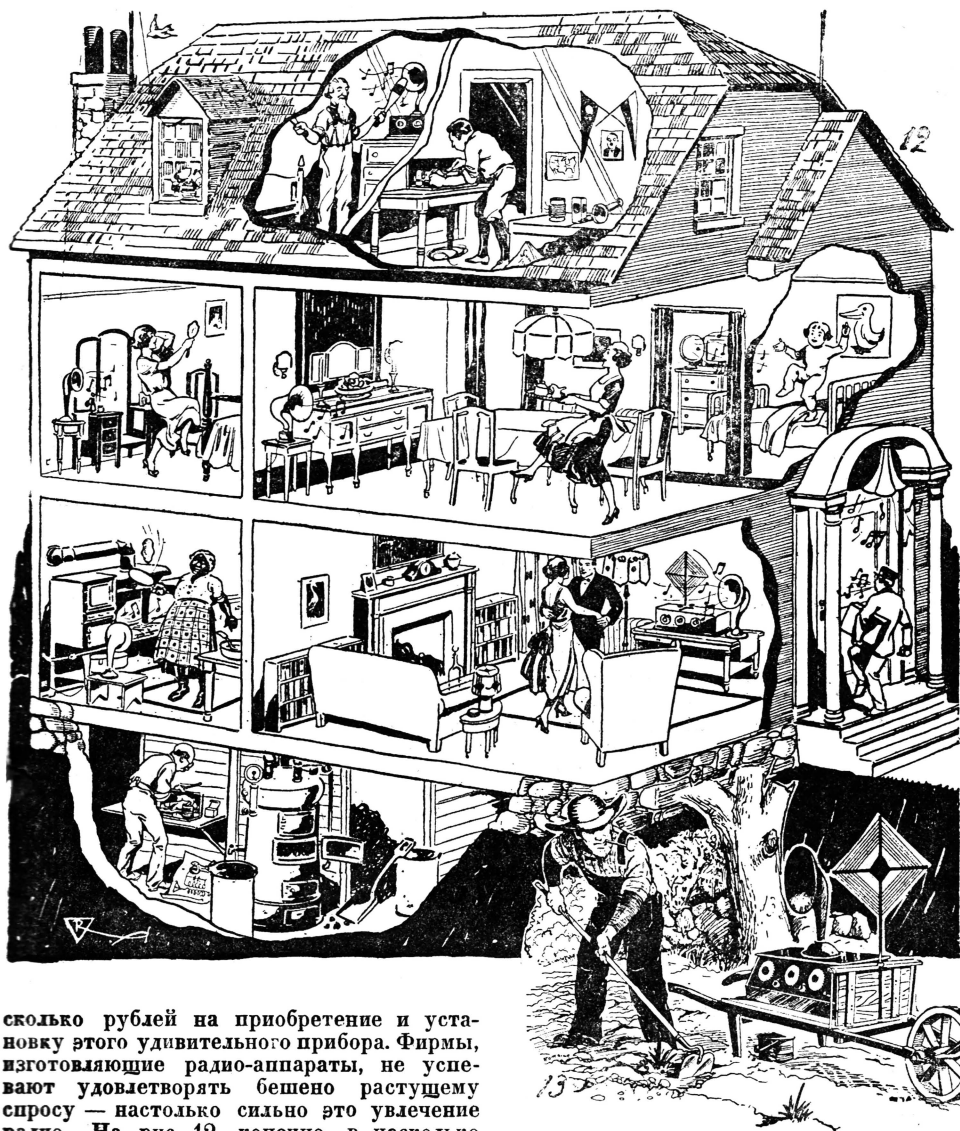
Но если корабль, аэроплан и дирижабль могут быть все время связаны с миром, отчего нельзя это сделать на поезде? Правда, на станциях можно купить газету, послать и получить телеграмму, но куда удобнее, сидя на своем месте в вагоне, слышать последние политические новости и наслаждаться концертом, на который не было времени попасть перед отъездом (рис. 3). Радио теперь имеется на многих скорых поездах Америки и Европы, и пассажиры во время пути могут не только развлекаться музыкой, но также беседовать по телефону с отдельными городами.

Корабль, самолет, — поезд. Неужели четвертый род передвижения — всепобеждаю-

щий автомобиль будет обойден? Разумеется нет. Небольшие антенны легко установить на любом автомобиле, где найдется также место и для других частей радиоаппаратов—батарей, ламповых усилителей и т. д. Одна из таких радио-автомобильных установок изображена на рис. 4. Даже на мотоцикле можно устроить маленькую приемную станцию, и радиолюбитель может предпринимать далекие путешествия, не теряя связи с широкоэвещательной станцией (рис. 5). Современные радиоаппараты с простым детектором, рассчитанные на прием ближайшей станции, настолько портативны и легки, что их можно брать с собой куда угодно и пользоваться ими при самых разнообразных обстоятельствах—при катании на лодке и верхом (рис. 6), отправляясь на охоту, предпринимая прогулки пешком, на пикниках, во время экскурсий, — словом всюду, где небольшой ящичек весом в 1—2 фунта не составит слишком тяжелой обузы. Даже выйдя погулять из дому, можно слушать радиомызыку, пользуясь для этого зонтиком, как антенной, и имея миниатюрный аппарат в его ручке (как это делают две японские дамы, изображенные на рис. 7). Впрочем, для этого не нужно и зонтика—на рис. 8, мы видим, что один заядлый радиолюбитель устроил маленькую радиостанцию у себя на соломенной шляпе, другой использовал для этого свою трубку. О радиоаппаратах, спрятанных в часах, в портсигарах, в карманных футлярах и говорить не приходится. За границей они в большом ходу. Вы часто можете встретить на улице странных людей, весело подпевающих какому-то неслышному вам мотиву. — Что это с ним? — мелькнет у вас в голове. Но телефонные наушники и тонкий шнур от них, теряющийся где-то в боковом кармане, не замедлят вам рассказать, что это лишь безбидный радиолюбитель, наслаждающийся праной музыкой далекого джаз-банда. Можно сказать, что для радио использованы почти все предметы нашего обихода — радио-аппараты устраиваются в лампах, в люстрах, в пепельниках, в браслетах, часах, веерах, палках, кольцах. Да, даже в кольцах. На рис. 9 изображен такой радиоаппарат, устроенный каким-то ювелиром-искусником в обыкновенном кольце.

Конечно, такие аппараты принадлежат к области радио-курьезов, как изображенные на рис. 10 аппарат с «громкоговорителем» величиной со спичечную коробку или, наоборот (рис. 11)—гигантский громкоговоритель высотой в два человеческих роста.

Радио сейчас едва ли не наиболее популярное изобретение среди самых широких кругов населения. Ведь за какие-нибудь 5—6 рублей можно приобрести недурной маленький аппарат и каждый вечер слушать оперу, концерты, доклады и лекции, — живые голоса лучших артистов и лекторов. Неудивительно, что о радио сейчас мечтает каждый мало-мальский культурный человек, имеющий возможность затратить не-



сколько рублей на приобретение и установку этого удивительного прибора. Фирмы, изготовляющие радио-аппараты, не успевают удовлетворять бешено растущему спросу — настолько сильно это увлечение радио. На рис. 12, конечно, в несколько карикатурном виде, представлена эта радиомания, где от чердака до погреба все пляшут и подпевают веселым звукам, несущимся из труб громкоговорителей.

Американский фермер, живущий за много миль от городского центра, поставив у себя радио, слушает утром рыночные цены на хлеб и политические новости, днем и вечером он получает лекцию и концерт, а по воскресеньям даже церковную проповедь.

Любители природы и моря, отправляющиеся пешком, на автомобиле или на яхте куда-нибудь в глушь, могут тем не менее каждый день наслаждаться музыкой и устраивать на вольном воздухе импровизированные танцы под звуки столь излюбленного чарльстона и фокстрота. Как известно, под музыку работа идет как-то легче; повидавшему, это учел фермер, изображен-

ный на рис. 13, вскапывающий свой огород под звуки, несущиеся из громкоговорителя, установленного на передвижной тачке. Вот бродячий музыкант — рис. 14; старая шарманка уступила место радиоаппарату с небольшой рамочной антенной. Еще оригинальнее другое применение радио — берлинский полицейский, снабженный маленькой антенной, усилителем и громкоговорителем для передачи команды (рис. 15).

Это лишь отдельные, случайно взятые примеры. В таком кратком очерке нет возможности перечислить все применения радио. Радио так же прочно входит в нашу повседневную жизнь, как в свое время вошли железные дороги, телеграф, автомобиль и аэроплан. Целая плеяда ученых и изобретателей трудится над усовершенствованием техники передачи радио, и наши

советские ученые стоят здесь в одном из первых рядов.

Что может дать радио в ближайшие годы?

Всякие подобного рода пророчества довольно трудны, но кое в чем можно быть твердо уверенным, учитывая достижения последнего времени.

Уже сейчас найден способ посылать радиоволны по одному, строго определенному направлению, тогда как еще недавно радиоволны распространялись по всем направлениям, при чем улавливалась лишь ничтожная часть энергии, затраченной на станции отправления. Направленные радиоволны позволяют значительно уменьшить мощность таких станций и в сильной степени упорядочить тот радио-хаос в эфире, который сейчас господствует над землей.

Большие успехи достигает телеуправление, т. е. управление различными механизмами на расстоянии при помощи радиоволн. К сожалению, эти успехи сказываются пока лишь в технике взаимоистребления, но будем надеяться, что управление радио-

миной и радио-аэробомбовозом когда-нибудь уступят место более полезным изобретениям. Недалекое будущее принесет нам радио-передачу энергии, и тогда излишними станут дорогие и громоздкие линии электропередачи. По радио, правда очень несовершенно, можно уже передавать рисунки и фотографии (об этом см. № 1 «Мир Приключений» за 1927 год). Делаются успешные опыты по передаче даже кинематографических картин. Нет сомнения поэтому, что скоро мы будем пользоваться радио не только для того, чтобы слышать, но также и для того, чтобы видеть на расстоянии. Возможно даже, что мы увидим эти события, происходящие от нас на другом конце света, в их натуральных тонах и цветах, рельефными и живыми. Сказка тысячи одной ночи померкнет тогда перед этой победой человеческой мысли.

Мечты — скажет недоверчивый читатель. Мы не станем с ним спорить. Мы предложим ему подождать всего лишь несколько лет.

Инж. В. Д. Никольский.

Радио у насекомых.

Совсем недавно английским ученым Лауренсом Хорль было замечено одно очень любопытное явление. Исследуя жизнь насекомых, он открыл, что некоторые их разновидности обладают непонятной способностью призывать своих самок на таких далеких расстояниях, что невольно у ученого возникла мысль — не имеем ли мы здесь что-нибудь вроде радиоволн, испускаемых усиками этих насекомых. Он увозил самку в другой конец города, и все-таки она каким-то образом чувствовала и следовала призыву самца, несмотря на ряд посторонних шумов и запахов. Хорль, при помощи небольшого аппарата для беспроволочного телеграфирования, в продолжение несколь-

ких месяцев наблюдал за молю и подслушал тоны, издаваемые самками. Ему удалось также подметить, что самец, восприняв эти тоны на значительном расстоянии, немедленно наставляет свои крайне чувствительные щупальцы, как бы ищет ими откуда идет зов, и затем, ориентировавшись, внезапно направляется к самке по прямой безошибочной линии.

Это интересное открытие несомненно послужит началом других работ в этой области и, кто знает, быть может укажет тот путь, где наука будущего найдет разгадку так называемых телепатических явлений и внушения на расстоянии.

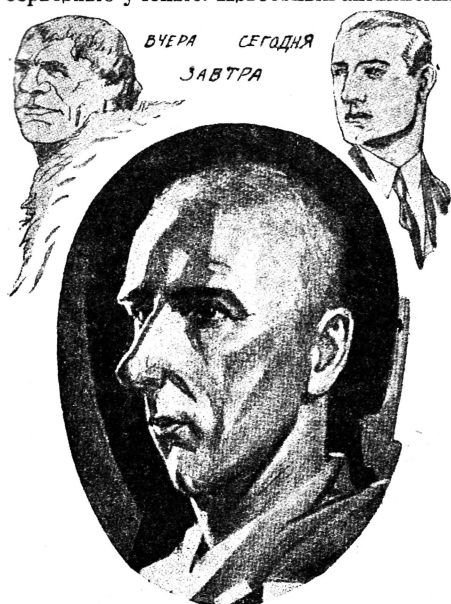
К КОНКУРСУ ЗАДАЧ „СТОМАХИОН“.

На помещенные в № 4 «Мира Приключений» задачи редакцией получены многочисленные ответы читателей с решениями и оригинальными фигурами. Наиболее удачны решения следующих лиц: 1) Л. М. Мильмон. Киев (серп и молот, собака, верблюд и осел). 2) Тенисон. Чита (курица). 3) В. Г. Скачко. Севастополь (серп и молот, собака, верблюд, метатель диска). Премии этим лицам высланы.



Человек будущего.

Как будет выглядеть человек через много тысячелетий? Этим вопросом задаются не только авторы фантастических романов, но и серьезные ученые. Известный английский



биолог Артур Кейт пытается дать обоснованный ответ на этот вопрос. Оставив в стороне всякого рода остроумные догадки, он обратился к изучению строения черепа

человека отдаленных эпох и сравнил их со строением черепа современного человека. Остатки доисторического человека говорят нам, что он обладал массивными крепкими челюстями, скуластым лицом, широкими надбровными дугами, маленьким лбом и сравнительно небольшим объемом мозга (см. рис. слева наверху). Совершенно иную картину являет человек наших дней: объем черепа и мозга возрос, лоб сделался выше, нос сделался прямее и тоньше, нижняя челюсть стала острее и меньше, глаза западали и сблизились, и все лицо сделалось уже (см. рис. справа).

Изучение нескольких сот ископаемых черепов показало, что этот процесс изменения типа идет гораздо быстрее, чем думали; так, по обследованиям Кейта, тип англичанина 1000 лет назад уже довольно сильно отличался от типа современных жителей Англии.

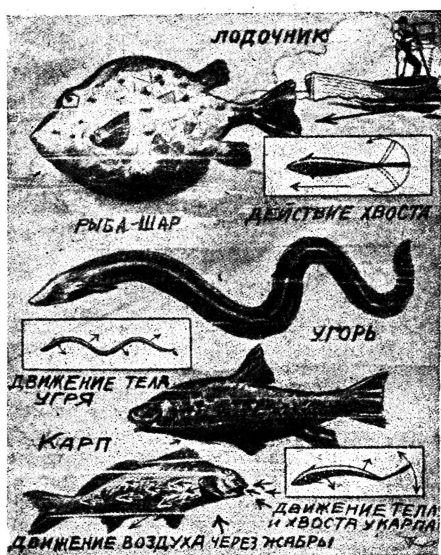
Если этот темп изменения типа будет идти в том же направлении и дальше, то уже сейчас мы можем нарисовать портрет «человека будущего». Это тип человека с длинным лицом, редкими волосами, с длинным, тонким выдающимся носом, с небольшими сжатыми губами, с близко сидящими глубоко посаженными глазами и с узким небольшим подбородком (см. рис. внизу). Портрет, на наш взгляд, не из самых привлекательных. Нам остается утешиться мыслью, что мы не доживем до этого времени, но, несомненно, что и идеалы красоты потерпят тогда не малое изменение.

Новый способ передвижения судов.

В настоящее время нет такой области техники, куда не проникли бы новые идеи, основанные на плодотворной научной работе. Начало прошлого века внесло полную революцию в искусство передвижения, где несколько тысячелетий царил парус, уступившие свое место гребному колесу и винту парохода. Изобретение Флеттнером роторного ветродвигателя (о нем смотри № 8 «Мира Приключений» за 1926 г.) показало, что и здесь еще далеко не сказано последнее слово. Многообещающим может стать также недавнее изобретение одного американского инженера С. Бридера, предложившего свой совершенно новый способ передвижения на воде. В основу этого способа изобретатель положил очень старый принцип, наблюдаемый в природе у рыб и угрей: змееобразное движение хвостом (у рыб) и туловищем (у угря), как это изображено на рисунке.

Бридер демонстрировал небольшую модель с гибкими плавниками у дна. Плавнику сообщалось при помощи особого механизма волнообразное движение и модель начинала тогда довольно быстро передвигаться. Именно таким способом плавает рыба, шевеля своим хвостом и помогая иногда своему движению засасыванием воды ртом, которую она затем с силой отбрасывает назад

через жабры. Искусные лодочники так же умеют довольно быстро гнать лодку вперед при помощи одного кормового весла, откидывая его то вправо, то влево.



Самое прожорливое животное в мире.

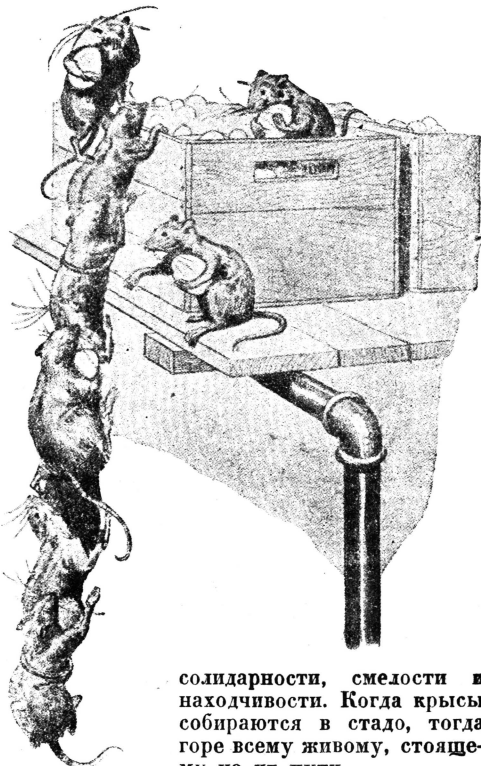
Речь идет о... крысе, о самой обыкновенной крысе, прячущейся в подпольи нашего дома. Этот серый грызун далеко не так безобиден, как это думали раньше. Доказано уже, что вред, причиняемый крысами, во много раз больше вреда от всех остальных хищников, взятых вместе. Более того—крыса служит одним из опаснейших распространителей заразных болезней и гигиенисты всех стран недаром объявили крысе самую беспощадную войну.

Американский профессор Уильямс исчисляет общее количество крыс в одной лишь Америке примерно в 120 миллионов штук. Сколько их всего на земном шаре—трудно сказать, но, повидимому, не меньше миллиарда. Цифра эта очень гадательна, так как крысы плодятся чрезвычайно быстро—одна пара в 16 месяцев дает потомство в 3800 штук. Вычислено, что за десять лет одна пара могла бы дать около 2.300.000.000 000.000.000 штук, иначе говоря, на каждый квадратный метр суши пришлось бы около 15.000 крыс—земля буквально кишела бы крысами, которые покрыли бы ее слоем в несколько метров. По счастью, эта картина страшна лишь в нашем воображении, ибо такому крысиному нашествию противодействует огромная крысиная смертность, губящая большую часть потомства этого плодовитого животного.

Как и всякому живому существу, крысе необходимо питаться. Но крыса животное избалованное: она предпочитает лишь вполне доброкачественные и свежие продукты вроде крупы, муки, зерна, яиц, жиров, сахара и т. д. Завалью и падалью она питаться не будет. Наблюдения показали, что за день одна крыса съедает разных продуктов по самому скромному расчету на одну-две копейки. Это значит, в Америке прокорм 120-миллионной крысиной армии обойдется в год не менее, как в двести миллионов рублей. У нас в СССР крыс еще

весь Исаакиевский собор или колокольню Ивана Великого.

Те, кто наблюдали жизнь и нравы крыс, единогласно говорят об их уме, чувстве

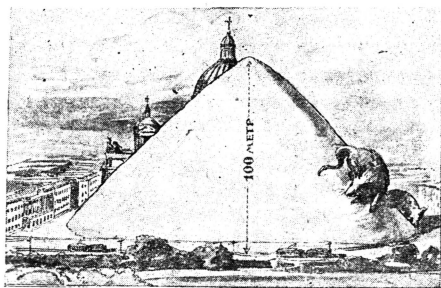


солидарности, смелости и находчивости. Когда крысы собираются в стадо, тогда горе всему живому, стоящему на их пути.

Известен случай, когда крысы, вышедшие из подвалов Калашниковских складов на водопой к Неве, загрызли часового, решившегося их «попугать». Не всякая кошка решится вступить в бой со старой опытной крысой и только собаки-крысоловки успешно сражаются с ними, особенным образом схватывая их за загривок. Нет, кажется, места, куда не могла бы пробраться умелая крыса—только железо может противостоять ее крепким зубам, а там, где бессильны зубы, выручает ее феноменальная сообразительность.

Так, например, один торговец заметил систематическую пропажу яиц у себя в лавке. Подозрение пало на крыс, но непонятным было, каким способом крысы таскали яйца из ящика, стоящего на высокой полке. Была устроена слежка, и что же оказалось? Крысы, взобравшись на полку, устраивали из своих тел живую висющую лестницу (см. рис.), по которой затем яйца осторожно сносились другими крысами на пол и в неповрежденном виде откатывались к отверстию крысиной норы...

Вред, причиняемый крысами, настолько велик, что сейчас во всех странах серьезно принялись за их истребление. Для этого трюмы пароходов окуривают ядовитыми



пога никто не считал, но их, наверно, не меньше чем в Америке, а значит и убытка народному хозяйству от них будет не меньше двухсот—четырёхсот миллионов рублей. У нас ее главная пища—зерно. За год крысами поедается у нас не менее 100—200 миллионов пудов хлеба, целый холм высотой в сто метров, который засыпал бы

газами, рассыпают отраву и ставят ловушки. Еще лучшим средством для истребления служит прививка крысам особого, неопасного для человека, крысиного тифа. Животное, получившее такую прививку, выпускается на волю и разносит болезнь среди своих сородичей.

Систематическое применение ряда подобных мер в международном масштабе быть может избавит мир от зловредного животного, таинственно появившегося из недр Азии в начале XVII века и за два столетия распространившегося по всем странам Старого и Нового Света.

Автоматический телефон.

— Алло! Алло! Барышня! Пять минут жду ответа! Пять семьдесят шесть—сорок пять. Да нет! Не восемьдесят шесть, а семьдесят шесть—семь-де-сят!

— Алло, станция! Вы мне не тот номер дали!

Кому из нас не приходилось вести эти нудные разговоры у телефонного аппарата, портя нервы и себе, и служащей на телефонной станции? Недоразумения станут отчасти понятными, если мы заглянем на современную крупную телефонную станцию. Мы—в обширном зале с установленными возле стен десятками щитов, перед которыми сидят сотни телефонисток. У каждой на голове каска с двумя слушачами и разговорной трубкой, что оставляет руки свободными. Свобода эта нужна для того, чтобы быстро вынимать и вставлять медные штифты со шнурами в бесчисленные окошечки и гнезда, усеивающие всю поверхность щитов. При каждом вызове абонента у щита вспыхивает маленькая лампочка и в откидывающемся окошечке показывается его номер телефона. Дело телефонистки—спросить какой номер вызывается, найти этот номер на щите, сделать соединение и ответить абоненту «готово» или «занято». Случается, что одновременно несколько человек вызывают данный номер, тогда соединение поневоле замедляется и ждущий абонент начинает проявлять признаки нетерпения. Иногда штепсель попадает не в свое гнездо или вызываемый номер будет плохо слышан и ошибка готова.

Избавиться от ошибок телефонисток и даже совершенно обойтись без их дорого стоящих услуг—уже лет двадцать стало мечтой многих телефонных конструкторов, пытавшихся создать такую систему телефонной станции, где все соединения одного абонента с другим происходили бы вполне автоматически, без всякого посредничества человека.

Задача эта, однако, оказалась настолько трудной, особенно при большом количестве абонентов, что только за последние годы появились вполне надежные и практичные автоматические телефонные станции.

Несмотря на дороговизну полного переоборудования старых станций, новая система оказалась настолько удобной и экономной (отпадает весь многочисленный штат телефонисток), что во многих крупных европейских и американских городах уже перешли на автоматическую систему. Самая крупная автоматическая станция имеется сейчас в Стокгольме (несколько сот тысяч

абонентов), в Берлине, Париже и других городах. В короткой заметке совершенно невозможно дать описание всех тех сложных приборов, из которых состоит автоматическая телефонная станция. Мы ограничимся лишь описанием работы последней. Прежде всего—своеобразный вид имеет сам телефонный аппарат (см. рисунок). На круглой подставке, служащей основанием для колонки и вилки с переговорной трубкой, имеется десять круглых отверстий с десятью номерами. Желая разговаривать, вы снимаете трубку, прикладываете ее к уху и нажимаете, слегка поворачивая палец, на нужные вам номера. Так, желая вызвать



24-86, вы последовательно нажимаете окошечки с цифрами 2, 4, 8, 6. При каждом нажатии в линии автоматически поступает 2, 4, 8, 6 электрических толчковых импульсов, которые на центральной станции включают особые «искатели», «регистраторы» и «селекторы», передающие совокупность этих сигналов вызываемому номеру. Если номер занят—соединения не происходит, а если номер свободен, то там раздается сигнальный звонок и в дальнейшем все идет, как обычно: вызванное лицо подходит к телефону, снимает трубку и разговаривает. Когда, после разговора, трубка кладется на место, ток прерывается, и все приходит в первоначальное положение.

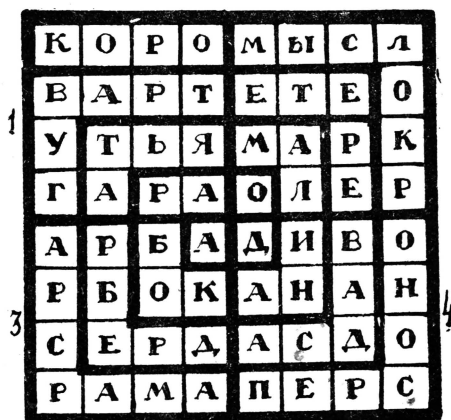
В целом это замечательное изобретение чрезвычайно напоминает собою нашу нерзную систему и невольно поражает остроумием и тонкостью своих отдельных частей. Такими автоматическими станциями предполагается в течение ближайших лет оборудовать телефонную сеть Ленинграда и Москвы.

НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ:

Задача № 47.

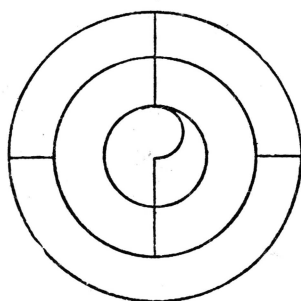
Как видно из чертежа, слова 2-й группы должны быть расположены в квадратах в следующем порядке: 1-м: корова, ртуть, Яга, Ра; во 2-м — мыслете, омар, колер; в 3-м — ар, бар, боксер, дра-



ма; в 4-м — диво, ананас, до, перс. Тогда в направлении спирали слова 1-й группы расположатся в таком порядке: коромысло, Кронос, река, Марс, рагу, вар, тетерев, ад, сад, ре, братья, малина, кобра, ода.

Задача № 48.

Решение приведено на рисунке.



Задача № 50.

Читая сверху вниз, в первых квадратах должны очутиться следующие номера линий:

Для А — 9, 4, 5, 1, 10, 8, 6 и 7, пустой, 2, 3.

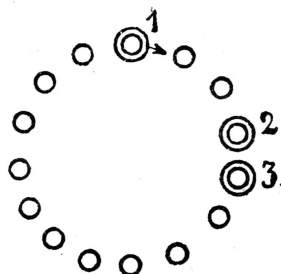
Для В — 3 и 7, 8, 10, 2, 4, 6, пустой 1, 5, 9.

Задача № 51.

Он должен попасть шесть раз: 30, 30, 12, 12, 12, 6 — всего 102 очка. Разделив их на шесть, получим 17 баллов.

Задача № 52.

Это ясно из прилагаемого рисунка. Цифрами отмечены сам (1) считающий и его счастливые приятели (2, 3).



Задача № 53.

Множителями могут быть 79 и 96, дающие в произведении: 18.565 и 30.560.